BESTSELLER

Дэвид Хьюсон

Сезон мертвеца

Шедевр современного мистического триллера!

«Daily Mail»

Дэвид Хьюсон

Сезон мертвеца

Серия «Ник Коста», книга 1

OCR Денис
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157356
Дэвид Хьюсон. Сезон мертвеца: АСТ, Люкс; Москва; 2005
ISBN 5-17-027860-8, 5-9660-1123-0
Оригинал: DavidHewson, “A Season for the Dead”
Перевод:
В. М. Абашкин
В. М. Заболотный

Аннотация

Ватикан. По романам Дэна Брауна – место самых загадочных, самых таинственных мистических преступлений.

Но... Убийство в римской церкви – едва ли не на ступенях Ватикана?..

Безумец с окровавленной сумкой, цитирующий отцов католический церкви...

Серия чудовищных преступлений, точно копирующих "страсти святых мучеников" времен гонений на христианство...

Дело, которым вынужден заняться талантливый детектив Ник Коста.

И прежде всего ему необходимо ответить на вопрос: что связывает единственную свидетельницу Сару Фарнезе, искусствоведа, с сумасшедшим убийцей?

Содержание

1	5
2	18
3	25
4	32
5	51
6	61
7	68
8	81
9	91
10	97
11	107
12	113
13	121
14	131
15	138
16	143
17	159
18	164
Конец ознакомительного фрагмента.	165

Дэвид Хьюсон
Сезон мертвеца

1

Жара, окутавшая город, казалась вполне материальным и живым существом. Сара Фарнезе сидела за столом в читальном зале Ватиканской библиотеки, рассматривая через оконное стекло аккуратный прямоугольный дворик и безуспешно пытаясь сосредоточиться. Изнуряющий августовский полдень колыхался перед ее взором, словно смазанная фотография. В фантастическом мареве пожелтевшая трава на газоне выглядела зеркальным отражением неумолимого солнца. Было два часа пополудни. Примерно через час температура за окном перевалит за сорок. Пожалуй, Саре стоило уехать из города, как и всем остальным. Рим в августе напоминает огромную раскаленную пустую печь, наполненную призрачными шорохами и скрипами. Этим утром университетские коридоры на окраине Рима отозвались эхом лишь на ее одинокие шаги. Другая причина, по которой она решила сбежать куда-нибудь из душного города, состояла в том, что почти все магазины и рестораны сегодня были закрыты. Признаки жизни наблюдались только в парках и музеях, где редкие стайки потных туристов пытались укрыться в скуд-

ной тени.

Это лето было самым противным на ее памяти. Хотя Сара знала, почему в такую мерзкую пору она все-таки осталась в городе, однако не была до конца уверена, что не совершила глупость. Да, из Лондона должен был прилететь Хью Фэрчайлд. Очаровательный Хью, талантливый Хью – человек, который мгновенно припоминал названия всех раннехристианских рукописей, хранившихся в музеях Европы, а часто мог и зачитать их наизусть. Если самолет прилетел по расписанию, то в десять утра он был в аэропорту Леонардо да Винчи ди Фьюмичино, а сейчас, наверное, уже выкладывает вещи из чемодана в гостинице "Ингильтерра". Сара понимала, что для встречи с ней еще рановато, а потому выбросила из головы неприятную мысль, что в его записной книжке могут быть имена и других кандидаток на постель. Это вообще был крайне занятой человек. Он прибыл в Рим на пять суток, из которых две ночи принадлежат ей, затем он отправится на конференцию юристов в Стамбул.

Она знала: наличие других любовниц у Хью вполне возможно. Нет – скорее, вероятно. В конце концов, он живет в Лондоне. После окончания академии он сделал успешную карьеру в системе Европейского союза и, как правило, одну неделю из четырех проводит в командировках – в Риме, Нью-Йорке, Токио и т.д. Они встречаются примерно раз в месяц. Ему тридцать пять, это почти идеальный мужчина. Высокий, мускулистый, загорелый, с мягкими чертами ари-

стократического, чисто английского лица, которое всегда готово расплыться в улыбке, и непокорными светлыми волосами. Просто невозможно представить, чтобы он не спал с другими женщинами – часто уже после первой встречи. С чувством легкого стыда Сара припомнила, что подобное случилось и с ней самой четыре месяца назад, на съезде, посвященном хранению исторических и художественных ценностей в Амстердаме.

Но это ее не слишком беспокоило. В конце концов, они были взрослыми и к тому же одинокими. А в вопросах секса Хью соблюдал все меры предосторожности. Это был один из самых организованных мужчин, которых она встречала за свою жизнь и впоследствии оставляла с обоюдного согласия. Нынче вечером они собирались отужинать в ее квартире неподалеку от Ватикана. Потом они пересекут мост у замка Кастель Сант-Анджело, прогуляются по улочкам исторического центра, выпьют по чашке кофе в одном из ночных ресторанчиков. Где-то около полуночи вернутся к ней домой, где он пробудет до утра, а следующие два дня займется делами конференции. Ей казалось, что такая программа отвечает ее интеллектуальным и физическим потребностям – причем в приятной форме. По крайней мере настолько, чтобы почувствовать себя счастливой. "И развеять сомнения", – тут же подумалось ей.

Она попробовала сосредоточиться на бесценной рукописи, лежавшей перед ней на столе из красного дерева. Темный

пожелтевший листок по содержанию разительно отличался от тех манускриптов, с которыми Сара Фарнезе обычно работала в читальном зале Ватикана: сделанная в X веке копия знаменитейшей кулинарной книги, написанной неким Апицием в I веке нашей эры. Сара выписывала оттуда рецепты настоящих древнеримских яств: isicia omentata (тонкие ломтики говядины, жаренные с орешками из сосновых шишек), pullus fiusilis (пельмени с курятиной, сдобренные специями) и, наконец, tiropatinam (медовое суфле). Ее интерес к поварскому искусству объяснялся исключительно временем года – в августе лучшие римские рестораны закрыты – и, следовательно, не означал, что она намеревалась перевести личные отношения с Гуго на другой, более "домашний" уровень.

– Апиций? – раздался удивленный голос у нее из-за плеча, причем так неожиданно, что Сара вздрогнула.

Обернувшись, она увидела невозмутимо веселое лицо Гвидо Фрателли и постаралась ласково ответить на приветствие, хотя не особенно обрадовалась гвардейцу из охраны Ватикана, который появлялся рядом с ней почти всегда, когда она заходила в библиотеку. Гвидо неплохо знал, какие манускрипты ее интересуют и полагал, что это дает ему право завязывать беседу. Он был примерно ее возраста, слегка склонный к полноте; ему нравились его синяя униформа средневекового покроя и черная кожаная кобура с громоздким пистолетом на боку. Гвардейцы не были полноценными полицейскими, их полномочия ограничивались лишь терри-

торией Ватикана, причем самыми безопасными участками. Так, на площади Святого Петра, где действительно требовалось поддержание порядка, службу несли обычные римские карабинеры, которые что поведением, что видом заметно отличались от этого спокойного, даже слегка робкого охранника. Гвидо Фрателли никогда не приходилось разбираться с пьяницами, наркоманами и бродягами у вокзала "Термини".

– Я не слышала, как ты вошел, – сказала Сара, надеясь, что он воспримет ее слова как намек. Кроме нее, в читальном зале никого не было, и не хотелось нарушать покой необязательным разговором.

– Прости. – Он машинально похлопал ладонью по кобуре, выдавая невольное раздражение. – Нас специально тренируют вести себя тихо, как мышь. Ты, наверное, не знаешь.

– Ну почему! – возразила Сара. Насколько ей помнилось, за последние двести лет в Ватикане произошло всего два убийства. Сравнительно недавно, в 1988 году, когда командира швейцарских гвардейцев и его жену застрелил сослуживец, затаивший на них какую-то обиду. И в 1848 году, когда премьер-министр папского правительства пал от рук политического оппонента. Поскольку за толпой на площади внимательно наблюдала городская полиция, Гвидо Фрателли оставалось лишь следить за случайными воришками.

– Что-то новенькое для тебя, не так ли? – поинтересовался он.

– У меня широкий круг интересов.

– У меня тоже. – Он с любопытством взглянул на раскрытый том. Манускрипт покоился в специальной коробке, на крышке большими жирными буквами было выведено название и имя автора. Гвидо отчаянно искал повод для беседы. Вероятно, он считал разговоры частью своей "детективной работы". – Я ведь учу греческий, ты знаешь.

– Но это латынь. Взгляни.

Лицо у него вытянулось.

– Вот как! А я думал, это греческий алфавит. Тогда ясно.

Заметив на его физиономии признаки искреннего разочарования, она чуть было не рассмеялась. Похоже, охранник всерьез размышлял, не изучить ли ему оба языка.

– Может, ты как-нибудь поговоришь со мной на эту тему?

Она быстро допечатала на портативном компьютере оставшуюся часть древнего рецепта.

– Только не сейчас, Гвидо. Я занята.

Письменный стол располагался под прямым углом к окну. Она посмотрела в окно, где на стекле маячило долговязое отражение гвардейца. Гвидо не собирался так легко сдаваться.

– Ладно, – наконец произнес он и медленно направился к выходу.

С верхней галереи донесся приглушенный смех. В библиотеку иногда забредали туристы, которым удавалось неведомыми путями добыть пропуска в эти сугубо частные владения. Интересно, осознают они, в какую богатейшую сокро-

вищницу знаний попадают? За последние несколько лет в качестве лектора по вопросам раннего христианства ей частенько приходилось наведываться в Ватиканскую библиотеку, и та всякий раз потрясала ее выдающимся собранием художественно-исторических произведений, да и просто доставляла эстетическое наслаждение. Сара с невольным трепетом касалась рисунков и рукописей, которые когда-то держал в руках сам Микеланджело. Читала любовные письма Генриха VIII Анне Болейн и копию его же трактата "Assertio Septem Sacramentorum", принесшего английскому монарху славу "защитника веры", но так и не позволившего ему удержаться в лоне католической церкви.

С профессиональной точки зрения это было бесценное хранилище древних манускриптов и раритетов, привлекавших неизменное внимание специалистов. Однако Сара не могла отказать себе в удовольствии хоть краешком глаза взглянуть на средневековые документы сугубо личного свойства. В такие моменты ей слышались голоса Петрарки и Фомы Аквинского, которые навсегда запечатлелись в шуршащих пергаментах и выцветших чернильных штрихах. Именно следы, оставленные авторами, оживляли немые документы, чья мудрость и выраженный сухими словами смысл были бы ничто без видимых признаков человеческого участия. Хотя Хью Фэрчайлд мог с этим и не согласиться.

Со стороны входных дверей послышался шум, даже крик – не слишком громкий, но в данных обстоятельствах весьма

раздражающий. Никому не дозволялось так громко разговаривать в читальном зале Ватиканской библиотеки.

Приподняв голову от стола, Сара с удивлением увидела направлявшуюся к ней фигуру. Она прищурилась от яркого солнечного луча, проникающего через окно, – ей сразу показалось: что-то здесь не так. Под потолком неожиданно загудел кондиционер, заставив поежиться от струи холодного воздуха. Присмотревшись внимательнее, она узнала Стефано Ринальди, профессора из университета. На круглом бородатом лице застыло странное выражение – сочетание злобы и страха. Профессор был в своих традиционных черных брюках и такой же черной рубахе, одежда имела весьма помятый вид, ее густо покрывали какие-то пятна.

Сара Фарнезе почувствовала испуг.

– Стефано... – мягко проговорила она. Так тихо, что он, похоже, не расслышал.

Профессор пребывал в откровенном смятении. Он беспорядочно размахивал правой рукой, в которой держал громоздкую пластиковую корзинку из супермаркета, а левой... Сара заметила, что в левой у него нечто напоминающее небольшой черный пистолет. Стефано Ринальди – человек, которого она никогда ранее не видела раздраженным и с которым у нее в свое время были довольно близкие отношения, – решительно приближался к ней с пистолетом в руке, а она не могла сообразить, что же послужило тому причиной.

Резко привстав, она развернула стол на девяносто граду-

сов. Послышался пронзительный скрип, вызванный трением старого дерева о мраморный пол, как будто застонало раненое животное. Выпрямившись вопреки всякой логике, Сара прижалась спиной к оконному стеклу: ведь разумнее было остаться сидеть, поскольку старинный стол вкупе со сборником древних кулинарных рецептов и ноутбуком обеспечивал хоть какую-то защиту от надвигавшейся смертельной опасности.

С неожиданной скоростью профессор подошел к Саре вплотную и прерывисто задышал ей прямо в ухо. В темно-карих глазах застыло откровенное безумие.

Опустившись на стул, он заглянул ей в лицо. Она, заставив себя хотя бы слегка расслабиться, попробовала подавить первоначальный испуг, говоря себе: профессор здесь не для того, чтобы причинить ей вред. При этом она отчетливо понимала всю зыбкость своих доводов.

– Стефано... – тихо повторила она.

За спиной профессора в глубине зала она разглядела Гвидо Ринальди. Ей тут же подумалось: а хорошо ли тот владеет оружием и не придется ли ей сегодня погибнуть от случайной пули неуклюжего гвардейца, дрожащей рукой целившегося в ее бывшего любовника, у которого по неизвестной причине "поехала крыша" в этой самой знаменитой римской библиотеке.

Стефано судорожно провел пистолетом по столу, смахнув на пол бесценный томик Апиция и дорогой ноутбук; все с

грохотом ударилось о мраморный пол читальни.

Сара старалась казаться безмятежной, давая понять, что хочет наконец услышать, зачем профессор припер ее к окну.

Стефано водрузил на крышку стола пластиковую корзинку, перевернул ее, вывалив содержимое, и громким пронзительным голосом – наполовину сумасшедшим, наполовину загробным – сообщил:

– "Кровь мучеников питает древо церкви"!

Она бросила взгляд на стол и обнаружила странный предмет, похожий на скомканный лист влажного пергамента. Примерно на таких же листах, только гладких и сухих, был изложен кулинарный трактат Апиция.

Не выпуская пистолета, Стефано принялся разглаживать неведомую ткань, заполняя ею все пространство огромного стола до тех пор, пока ее края не стали свешиваться по бокам, обретя известную, но весьма странную в данных обстоятельствах форму.

Сара сначала зажмурилась, но потом заставила себя приоткрыть глаза. Предмет, который Стефано любовно поглаживал ладонью правой руки, словно это была дорогостоящая скатерть или ценный музейный экспонат, на самом деле являлся... человеческой кожей, светлой, слегка загорелой и влажной – словно ее недавно сполоснули. Она была аккуратно отделена от тела в области шеи, гениталий, запястий и лодыжек. Последний разрез прошел по спине вдоль позвоночника и ниже, по ногам, в результате чего получился цельный

кусок. Сара с трудом подавила желание погладить нежную на вид ткань, дабы убедиться: это не мираж, это действительно человеческая кожа.

– Что тебе надо? – спросила она как можно спокойнее.

Он быстро посмотрел на нее и сразу же отвел взгляд. Несомненно, Стефано самого пугало то, что он делает, фактически он пребывал в ужасе, но тут присутствовал и другой момент. Ведь это был не какой-то невежественный упрямец, а хорошо образованный, интеллигентный человек, все мысли которого – как ей сейчас припомнилось – занимало исследование идей и деятельности Тертуллиана; как раз один из главных постулатов этого раннехристианского богослова и полемиста профессор только что процитировал.

– Что за мученики, Стефано? – спросила Сара. – И что все это значит?

На секунду он словно пришел в себя – по крайней мере взгляд прояснился. Стефано явно задумался над ответом и своими дальнейшими действиями.

– Она все еще там, Сара, – произнес он знакомым прокуренным голосом, но так тихо, словно боялся, что их кто-нибудь услышит. – Тебе тоже надо идти. Посмотри сюда. – И он показал глазами на кожу, разложенную на столе. – Я не могу... – Круглое лицо искажал откровенный страх, хотя в данных обстоятельствах он уже не удивлял Сару. – Вспомни о Варфоломее, ты ведь знаешь эту историю.

И снова, круто возвысив голос, что означало очередной

приступ сумасшествия, он повторил слова Тертуллиана:

– "Кровь мучеников питает древо церкви"!

И с широко распахнутыми, почерневшими глазами Стефано Ринальди навел на нее короткое узкое дуло пистолета, метя Саре прямо в голову.

– Брось пистолет! – раздался крик охранника. – Брось!

Гвидо оказался настоящим кретином – Сара инстинктивно чувствовала, что ничего из увиденного он не понял.

– Нет! – воскликнула она, подняв руку в намерении остановить и того и другого мужчину, но, к своему ужасу, заметила, как Стефано напряг палец на спусковом крючке. – Вы, оба! Стойте!

Гвидо зло и одновременно испуганно что-то пробормотал – он явно себя не контролировал. А Стефано уставился на нее таким скорбным и отрешенным взором, что она похолодела, прочитав в нем свой смертный приговор.

Стефано обронил только одно:

– Поторопись.

– Не надо, – успела вымолвить она, понимая, что уже поздно.

Со стороны Гвидо прозвучал мощный выстрел. Зал наполнился таким оглушительным эхом, что у нее от боли заныли уши. Череп Стефано Ринальди раскололся, брызнув кровью и обнажив синевато-багровый мозг. Гвидо подбежал к окну и засуетился, словно танцуя, вокруг оседающего на пол тела, безуспешно пытаясь его подхватить, а пистолет в мерт-

вой руке продолжал дергаться, будто жил самостоятельной жизнью.

При звуке выстрела Сара прикрыла глаза к только слышала, как по залу прокатилось эхо – по мирному читальному залу, где она испытала столько прекрасных, удивительных мгновений.

Когда все стихло, она открыла глаза. Рядом стоял один из служащих, всхлипывая и прижимая руку к животу, словно опасаясь, что его стошнит.

Она заметила, что развороченная голова профессора покоится прямо на древнем манускрипте Апиция, заливая пергамент густой, почти черной, кровью.

2

Они стояли в тени колоннады на площади Святого Петра, и Лука Росси с грустью размышлял, сколь вредно с его лысой башкой целый день торчать на жгучем солнце. В желудке будто жернова ворочались – результат неумеренного потребления пива и пиццы вчера вечером. В довершение всех неприятностей сегодня утром он узнал, что ближайшие четыре недели его напарником по дежурству будет сущий пацан. Лично он, Росси, привык четко исполнять определенные и понятные функции. Неопытный парень казался ему досадной помехой.

Еще раз взглянув на нового напарника, он тяжело вздохнул:

– Ладно, ты что-то хотел рассказать. Ну, про трюки твоего Караваджо.

Коста улыбнулся в ответ, отчего Росси захотелось, чтобы тот не выглядел столь откровенно юным. Ведь на этом святом месте приходилось задерживать довольно опасных и злобных типов. Понимая, что особой помощи от наивного напарника не дождешься, он прикинул, как лучше использовать стройного, похожего на подростка полицейского в случае необходимости.

– Это никакие не трюки.

До сих пор они служили на разных участках. Росси пола-

гал, что пацан понятия не имеет, с какой стати ему выпало дежурить со старым толстым копом. Однако ничего подобного Коста не спрашивал. Казалось, он принял этот факт как должное – впрочем, как и все остальное. Самому Росси было о нем кое-что известно, как и многим в их управлении. Ник Коста имел репутацию человека, на которого нельзя положиться. Он, например, почти не выпивал и даже не ел мяса. Постоянно поддерживал спортивную форму, занимался на тренажерах и слыл неплохим марафонцем. А его отцом был один из тех строптивых типов, дела которых хранят в чертовых папках красного цвета. Помимо прочего, папаша оставил Нику в наследство странное увлечение – помешательство на живописи, особенно на работах Караваджо, о жизни и творчестве которого знал все до последней мелочи.

– А мне это кажется какой-то хитростью.

– Всего лишь знание и умение, – твердо возразил Коста, чье лицо вдруг приобрело серьезное выражение, каковое и должно быть у двадцатисемилетнего мужчины. – Никакой ловкости рук, просто волшебство. Но волшебство реальное.

– Небось там такого волшебства навалом. – Росси кивнул в сторону ватиканских кварталов. – Все залы увешаны.

– Нет, там только одна его картина, "Снятие с креста", да и ту они взяли из какого-то музея. Ватикан никогда не ценил Караваджо. По их мнению, он был излишне революционным и чересчур сочувствовал беднякам. Изображал апостолов с грязными ногами, как простых смертных, которых

можно встретить на улице.

– Так вот что тебе в нем нравится. Думаю, этого ты набрался от своего старика.

– Это только часть того, что мне нравится у Караваджо. И я имею собственное мнение, независимое от других.

– Ясное дело. – Росси припомнил, что отец Ника являлся источником постоянных конфликтов и редко соглашался с общим мнением. Он никогда не брал взяток и заслужил репутацию крайне неуживчивого человека. – И где же такие шедевры хранятся?

Парень кивнул на реку:

– В шести минутах ходьбы отсюда, в церкви Святого Агостиньо. Картина называется "Мадонна Лоретто", или "Мадонна паломников".

– И что же в ней замечательного?

– Грязные ноги. Ватикан просто ненавидел подобные полотна. Это великолепная работа, но я знаю и лучше.

После небольшой паузы Росси произнес:

– Ты, наверное, не увлекаешься футболом? А то могли бы поболтать на эту тему.

Ничего не ответив, Коста включил радиосканер и сунул в ухо наушник. Росси шумно вдохнул раскаленный воздух.

– Ты чувствуешь вонь? – проворчал он. – Они тратят бешеные деньги на строительство самых огромных в мире церквей, папа почти все время торчит в своей резиденции. А запах здесь словно в глухом переулке, заваленном гниющи-

ми отбросами. Похоже, они разрубают тела убитых на части и сбрасывают в сортир. Не стоит ли нам это проверить?

Коста упрямо шарил по радиоволнам, хотя оба полицейских знали, что это строго запрещается инструкцией.

– Эй, – проворчал Росси, – тебе не кажется, что мне могут за тебя намылить шею? Если Фальконе услышит, как ты возишься с этой хреновиной, он надерет тебе задницу.

Пожав узкими плечами, Коста смущенно улыбнулся:

– Я просто хотел найти для тебя что-нибудь о футболе. Какие проблемы?

Росси шутливо поднял могучие лапы и рассмеялся:

– Тогда лады. Ты меня убедил, приятель.

Они взглянули на редкие стайки обалдевших от зноя прохожих, еле передвигавшихся по площади. Росси подумал, что для карманников и сумочников сегодня слишком уж жарко. Погода способствовала снижению уровня преступности куда эффективнее любого наряда полиции. Вряд ли стоило упрекать Косту за возню с радиосканером. Кому приятно торчать на дежурстве рядом с местом, где тебе не особо рады и твои полномочия резко ограничены. Может, у Косты и было в генах что-то антиклерикальное, однако большая часть его высказываний – в отличие от отцовских – носила аполитичный характер. Тем не менее Ватикан – неотъемлемая часть Рима, чтобы ни талдычили политики. И противно наблюдать, как юный гаденыш на твоих глазах нагло выхватывает у туристки сумку и скрывается среди толпы, киша-

щей внутри собора Святого Петра. Там он сразу становится неприкосновенен, поскольку папская территория находится в ведении швейцарских гвардейцев, облаченных в театрально-синие мундиры и носки до колен.

Коста вовсе не ожидал услышать что-нибудь важное по приемнику. Сегодня для этого в Ватикане не было особых поводов. Но само по себе пользование служебным радио было своеобразной формой протеста – дескать, мы здесь.

Недалеко от них просеменила большая группа монашек, возглавляемых старушкой с красным флажком на папке. Процессия напомнила Росси длинного черного крокодила. Бросив взгляд на часы, он пожалел, что стрелки ползут так медленно.

– Тоска зеленая, – сказал он, потянувшись, и почувствовал на плече руку Косты.

Молодой полицейский внимательно слушал какое-то сообщение, до Росси из наушника доносился только пронзительный треск.

– Кого-то застрелили, – произнес Коста озабоченным голосом. – В читальном зале Ватиканской библиотеки. Ты не знаешь, где это?

Росси кивнул:

– Конечно, знаю. Все равно что в Монголии, дружище.

Коста вопросительно прищурился:

– Там кого-то убили. Мы что, так и будем торчать здесь или выясним, в чем дело?

Вздохнув, Росси медленно ответил:

– Повторяй за мной: "Ватикан – другое государство". Если тебе опять непонятно, то при желании Фальконе разъяснит это лучше меня.

"Фальконе и в самом деле способен объяснить все куда выразительнее и короче", – подумал Росси. Ему даже не хотелось представлять себе возможную беседу с начальником. Он вообще был рад, что последние пять лет ему удавалось избегать подобных объяснений, и молил Бога, чтобы это счастье продлилось подольше.

– Понял, – согласился Коста. – Но это не означает, что нам запрещено хотя бы взглянуть, что там произошло. Согласно инструкции мы лишь не имеем права никого арестовывать в Ватикане.

Поразмыслив над его словами, Росси прикинул, что в принципе парень прав.

– И это все, что ты услышал по радио? Ну, что кого-то застрелили?

– А разве этого мало? Ты предлагаешь вернуться в участок и сообщить Фальконе, что мы даже не предложили свою помощь?

Похлопав по куртке, Росси проверил, на месте ли пистолет, и Коста машинально повторил его движение. Затем они посмотрели в самый конец виа ди Порта-Анджелика, где располагались ворота в частные ватиканские владения. Швейцарских гвардейцев, обычно стоявших там и проверявших у

посетителей документы, на сей раз видно не было – вероятно, их срочно вызвали в библиотеку. Два римских карабинера прошествовали через ворота без единого вопроса, словно по приглашению.

– Предупреждаю, бежать не собираюсь, – бросил на ходу Росси. – Тем более в эту дьявольскую жару.

– Ваше право, – ответил Коста, быстро обгоняя его энергичным спортивным шагом.

– Мальчишка... – буркнул старый полицейский, покачав головой.

3

Когда минут через семь Росси добрался до библиотеки, Ник Коста уже выяснил, что мужчина с раскроенным черепом в самом деле мертв. На глазах у Косты два санитара с перепуганными лицами вывели из зала какого-то служащего, державшегося за живот. Коста попытался спокойно и трезво оценить обстановку. В читальне царил переполох, который в данный момент был полицейским на руку. Гвидо Фрателли, еще не оправившийся от пережитого ужаса, и трое его сотоварищей, прибежавших по тревоге, приняли Косту за ватиканского чиновника и ожидали распоряжений. Коста не собирался их в этом разубеждать. За четыре года службы в полиции он повидал немало мертвецов, в том числе и застреленных. Однако такой труп – в придачу с кожей, содранной с другой жертвы, да еще в Ватикане ему не попадался. Поэтому Коста не желал добровольно упускать инициативу.

Его мозг работал с полной нагрузкой. На короткое время Ник практически отключился от внешних раздражителей, он вытеснил из сознания даже острый запах перегретого асфальта, заполнивший читальню через распахнутые окна и смешавшийся со зловонием крови.

Пока Фрателли, мямля и заикаясь, рассказывал, как все случилось, Коста неотрывно смотрел на женщину, которая сидела на стуле у стены и внимательно наблюдала за проис-

ходящим. По виду он дал бы ей лет тридцать. Одета она была в строгий деловой костюм серого цвета. Изысканно уложенные темные шелковистые волосы струились до плеч; классические черты лица подчеркивал серьезный взгляд больших зеленых глаз. Она напоминала женские портреты средневековой эпохи, только не кисти Караваджо, а более красивые. От нее исходило некое сияние. Похоже, она с трудом сдерживала переполнявшие ее чувства, опасаясь выплеснуть их наружу.

Когда гвардеец закончил свой доклад, она встала и подошла к Косте. Ник заметил, что серый жакет женщины забрызган кровью, но это ее совсем не заботило. "Вероятно, запоздалое потрясение от пережитого", – подумал он. Скоро до нее дойдет, как близко она была от смерти, когда этот мужчина, теперь неподвижно лежавший на полу, выложил перед ней свою странную отвратительную добычу. Влажная кожа все еще лежала на столе, напоминая атрибут какого-то неудачного маскарада в канун Хэллоуина. Ник Коста поймал себя на мысли, что ему трудно поверить, будто эта кожа когда-то принадлежала человеку.

– Вы из городской полиции? – спросила женщина с легким акцентом, то ли английским, то ли американским.

– Точно.

– Я так и подумала.

Растерянно переглянувшись, швейцарские гвардейцы издали недоуменный вздох, но выступить не осмелились. Они

пока чего-то ждали. Росси, с явным удовольствием наблюдавший, как парень ведет дело, приветливо улыбнулся охранникам. Как старший наряда, он решил остаться в тени, поскольку Коста, очевидно, держал ситуацию под контролем. А у него и без того виски седые – пусть пацан попотеет.

Женщина обратилась к молодому полицейскому:

– Полагаю, Стефано хотел что-то мне рассказать.

– Стефано? – спросил Коста. – Мужчина, который собирался вас убить?

Она кивнула, и Коста как завороженный наблюдал за покачиванием ее пышных волос.

– Этот идиот, – она кивнула на Гвидо Фрателли, и тот покраснел, – просто не понял, что происходит. Стефано хотел меня куда-то отвести и что-то показать. Но не успел ничего толком объяснить.

Гвардеец что-то пробубнил в свою защиту.

– Что он пытался вам рассказать? – поинтересовался Коста.

– Он сказал... – Она задумалась, и Ник догадался о причине заминки: слишком много страшных и непонятных событий случилось за короткий период времени. – Да, он говорил, что она еще там. Призывал вспомнить святого Варфоломея. И требовал поспешить.

Слушая, как спокойно и последовательно она излагает историю происшествия, Ник Коста изменил о ней мнение. Воз-

можно, никакого шока она не испытала, а отнеслась к попытке убийства хладнокровно и даже несколько отстраненно.

Он собирался спросить ее, куда именно надо было спешить, но в это время коренастый мужчина в черном костюме ткнул толстым пальцем ему в плечо:

– Кто вы, черт подери?

Коста смерил его взглядом. Человек средних лет, крепкого телосложения и примерно его роста; от темного костюма пахнет дорогими сигарами.

– Полиция, – сообщил Ник нарочито таинственным тоном.

– Ваше удостоверение?

Достав бумажник, он предъявил служебный жетон.

– Вон отсюда, – скомандовал чиновник. – Немедленно.

Коста взглянул на старшего, который, судя по слегка покрасневшим щекам, немного разозлился.

Поприветствовав агрессивного пришельца церемонным поклоном, Росси полюбопытствовал:

– Ну а вы кто такой будете?

Ник Коста подумал, что этот чиновник с расплющенным лицом, рябыми щеками и перебитым носом походит на профессионального боксера, только что обретшего веру в Бога. На лацкане шерстяного пиджака сверкало миниатюрное распятие, которое, как понимал Коста, ничего особо не означало.

– Ханрахан, – буркнул любитель сигар, и Коста снова по-

пытался определить акцент, уловив отчетливые ирландские нотки с легкой примесью американского произношения. – Служба безопасности. А теперь, ребятки, на выход. Это наше внутреннее дело.

Коста тронул крепыша за плечо. В глазах "боксера" вспыхнула ярость.

– Вы хотите знать, что мы здесь обнаружили? Мы ведь прибыли сюда помочь вам, синьор Ханрахан. А дело, похоже, весьма неприятное. Чтобы в Ватикане кого-то застрелили... Скажу откровенно, проблем у вас теперь прибавится. И мы не дадим замять это довольно скверное происшествие.

Тем временем женщина смотрела на троих мужчин с откровенным раздражением. Коста представлял, что она сейчас думает о них: в такое время решили постучать рогами. И она была абсолютно права.

– Это дело Ватикана, – упрямо повторил Ханрахан. – Мы сами разберемся. Когда понадобится ваша помощь, позвоним.

– Вот уж нет, – возразил Коста. – Это и наше дело тоже.

В ответ Ханрахан произнес лишь одно слово:

– Юрисдикция.

– Вы хотите сказать, – продолжил Коста, – если туповатый охранник убил человека на вашей территории, то это ваше дело?

Ханрахан бросил взгляд на Гвидо Фрателли:

– Если все так и случилось, то да.

Сделав несколько шагов к столу, Коста приподнял край кожи. Это был участок, когда-то покрывавший руку. На ощупь кожа оказалась прохладной, а по цвету более человеческой, нежели он ожидал.

– А как насчет этого?

Ханрахан тупо уставился на него:

– Ну а вы-то сами что думаете?

– Что я думаю? – Коста сразу понял: мужчина – не детектив. И не швейцарский гвардеец, благо одет не по уставу. Возможно, из службы безопасности, в ее функции входит прежде всего защита порядка и стабильности, она совсем не заинтересована в неторопливом и скрупулезном расследовании. – Думаю, что где-то имеется тело, с которого эту кожу сняли. И могу поручиться – само оно сюда не придет.

– Послушайте... – попыталась прервать его женщина.

– Прошу, поймите меня правильно. Все, что я хочу сказать, синьор Ханрахан, это то, что мы имеем дело с двумя убийствами. И если вы согласны держать пари, то готов поспорить на приличные деньги, что одно из этих убийств целиком в нашей юрисдикции, поскольку в полиции для расследования есть нужные специалисты. А у вас, – он бросил взгляд на готового расплакаться Гвидо Фрателли, – ничего подобного нет. Но, соблюдая вежливость, мы предлагаем вам сотрудничество. Как по-вашему, в данной ситуации мы вправе рассчитывать на ответные шаги?

Ханрахан раздраженно потряс головой:

– Вы просто не понимаете, с чем столкнулись.

– Эй, приятель! – произнес Коста громче и положил руку на плечо Ханрахана. – Мы ведь занимаемся общим делом, не так ли?

– Нет, – зло бросил Ханрахан. – Отнюдь нет. А теперь...

Решительно оттолкнув их друг от друга, Сара в упор взглянула в лицо Ника Косты:

– У вас есть машина?

– Разумеется.

– Стефано сказал, чтобы мы отправились туда без промедления. Не могли бы мы это сделать сейчас? Пожалуйста.

Коста еще раз поразился ее спокойствию. Выходит, все время, пока они здесь базарили, она продолжала размышлять над загадкой, подкинутой покойником.

– Вы знаете куда?

– Думаю, да. Глупо, что я не сообразила раньше. Итак, едем?

Потрепав на прощание Ханрахана по плечу, Ник Коста сказал:

– Теперь видите, как надо уговаривать? Учитесь.

4

По дороге Коста размышлял об истории, которую ему только что кратко поведала Сара Фарнезе. У него возникла куча вопросов, в том числе по поводу ее страстных и путаных объяснений. Возможно, Сару все-таки потрясло случившееся, только она до времени сдерживала свои эмоции, а теперь ее мысли разлетались в разные стороны, словно дикие утки.

– А почему именно Тибрский остров? – спросил он.

– Я же говорила вам, нам надо попасть в тамошнюю церковь.

Росси, сидевший за рулем, бросил на него прохладно-ироничный взгляд. Косте и самому начало казаться, что он затеял что-то не то. Возможно, решение он принял дурацкое и лучше было дождаться инструкций из управления. Но никаких сообщений по поводу убийств на городской территории сегодня не поступало. Да и женщина была непреклонна: она требовала ехать немедленно. И еще Коста подумал, что для него это хорошая возможность реабилитировать себя в глазах Фальконе. Нет, он все делал правильно.

– Вы не возражаете, если я поинтересуюсь, зачем мы туда едем?

Она вздохнула, словно предстояло объяснить туповатому школьнику урок:

– Варфоломей – это святой, с которого содрали кожу. Освежевали живьем. Стефано много о нем знал. Церковь Святого Варфоломея расположена на острове. Ничего другого мне на ум не приходит.

– Вот, значит, как. – Коста начал сомневаться, что заслужит поощрение Фальконе.

– Именно так, – бросила она с раздражением. – Если только у вас нет идеи получше.

Детективы переглянулись. Уличное движение благодаря августовской жаре было самое свободное. Без остановок промчавшись через портовые кварталы Трастевере, они свернули налево и по мосту добрались до небольшого островка на самой середине Тибра.

– А этот Стефано, он был вашим приятелем? – спросил Росси, когда они въехали на площадь перед часовней.

Она молча, словно не расслышала вопроса, вышла из машины.

– Меня эта баба просто пугает, – пробормотал Росси, мотнув головой.

Мужчины последовали за дамой, рассматривая по дороге здание церкви. Невероятно, чтобы в старинном незагаженном уголке Рима с небольшой уютной площадью перед храмом, где можно было спокойно посидеть в тени, почти не слыша грохота автомобилей, могло совершиться что-то злодейское.

– Тебе не кажется, что нам стоит позвонить? – спросил

Росси.

Коста пожал плечами:

– А чего ради? Если у них есть задание, пусть сами нас ищут.

– Ну-ну, – согласился старший полицейский. – Попробую найти сторожа и взять у него ключи.

Сара уже стояла у ворот церкви.

– Эй, – окликнул ее Коста. – Погодите.

Однако она вошла внутрь. Выругавшись, Коста поспешил за ней, крикнув Росси, чтобы тот не отставал.

Очутившись в нефе, с обеих сторон обрамленном полированными колоннами, Коста – как и обычно – почувствовал себя неуютно. Сам он предполагал, что все дело в воспитании. В церкви ему частенько мерещились привидения.

Они оглядели боковые приделы часовни, еле освещенные сумрачным светом. Несколько незапертых дверей вели в тесные пыльные чуланы.

– Похоже, здесь ничего нет, – констатировала Сара.

Она выглядела растерянной и озабоченной, будто ей не удавалось решить запутанную головоломку.

– Попытка не пытка, – успокоил ее Коста, стоя в центре собора. – Не корите себя.

– Это место больше всего отвечает тому, что он сказал в библиотеке, – мягко ответила она. – Мы здесь однажды вместе работали. В дохристианские времена здесь располагался храм Асклепия. Наверняка сохранились какие-то помеще-

ния под землей.

– Аско... кто?

– Асклепий – бог врачевания и медицины, – взглянула она на него. – Вам не кажется, что этот факт неплохо вписывается в мою гипотезу?

– Возможно, – согласился он, хотя и не постиг всей глубины ее размышлений. Только понял, что она весьма и весьма образованна.

Росси притащил целую связку больших старинных ключей. Тем самым он временно вернул себе утраченную было инициативу, принадлежавшую ему как старшему по всем параметрам.

– Мы заглянули везде, – доложил Коста. – Но ничего не нашли.

– Тогда нужно связаться с управлением, – предложил Росси, который не хотел копаться в этом деле.

Заметив дверцу слева от алтаря, Сара тихо произнесла:

– А вон еще одна...

– Мы там уже проверили, – откликнулся Коста.

– Нет. Это вход на колокольню. Мы в этой башне еще не были.

Коста решительно направился к алтарю и толкнул дверцу.

Комната за ней оказалась темной и тесной. Осветив с помощью карманного фонарика помещение, Коста увидел в дальнем углу стальной экран с огромным висячим замком. Проворчав что-то себе под нос, Росси покопался в ключах,

нашел нужный и отпер тяжелую дверь.

– Господи! Что это? – Хриплый крик толстяка эхом разнесся по каменному колодцу.

Коста рванулся к лестнице. Перед ним предстала каменная спиралевидная лестница, идущая вдоль щербатых стен с полуобвалившейся штукатуркой.

Росси неуверенными шагами спускался по ступенькам. Лысая голова была обильно залита кровью. Росси яростно пытался стереть ее носовым платком, продолжая пронзительно орать. Впервые за свою полицейскую карьеру Ник Коста испытал приступ раздражительности. Башня напоминала огромную каменную печь, наполненную теплым кисловатым запахом разлагающейся плоти. Ник направил луч фонарика вверх. С ветхого деревянного потолка на ступеньки размеренно падали красные капли. Под этот медленный, но плотный кровяной дождь, очевидно, и угодил Росси.

– Нам требуется помощь, – мрачно сказал Коста и достал из кармана радиопереговорное устройство.

Взглянув на женщину, он не поверил своим глазам. Оттеснив Росси, Сара Фарнезе буквально скакала вверх по ступенькам.

– Эй! – крикнул Коста, наблюдая, как изящная фигурка постепенно исчезает из поля зрения. – Не трогайте ничего, ради Христа...

Его напарник не обращал на них никакого внимания, продолжая стирать с лица кровь с таким тщанием, словно это

был яд или кислота, способная разъесть кожу. Передав по радио срочное сообщение, Коста сказал Росси, чтобы тот ждал его в церкви. На лицо старшего было неприятно смотреть – похоже, он был близок к помешательству. По правде говоря, Ник Коста чувствовал себя немногим лучше, однако ему надо было догонять попрыгунью, которая решительно поднималась навстречу чему-то ужасному. Ник просто не мог позволить себе оставить ее в одиночестве.

Где-то наверху щелкнул выключатель, и лестница осветилась неярким желтоватым светом, перемежавшимся густыми тенями. В ту же секунду послышался полупридушенный женский хрип – первый явный признак волнения Сары Фарнезе с момента кровавой бойни в ватиканской читальне, случившейся полчаса назад.

– Черт побери, – выругался Коста и припустил вверх сразу через две ступеньки.

Сара, скрючившись, сидела у стены – руки прижаты ко рту, зеленые глаза широко распахнуты. Проследив за ее взглядом, Коста обнаружил два трупа. Желудок свело судорогой.

На женщине, висевшей в петле, привязанной к потолочной балке, была темная юбка и красная блузка. Рядом с вытянутыми ногами валялся деревянный стул. Коста не стал рассматривать лицо удавленницы, но, судя по всему, ей было лет тридцать – тридцать пять, у нее были непокорные светлые кудри и тонкая бледная кожа.

В двух метрах поодаль находился оскальпированный мужчина, подвешенный за обе руки к почерневшему от времени потолочному перекрытию. Во рту у мужчины торчал кляп, из-за чего бледные губы и безупречно белые зубы изображали ироническую усмешку, тем более странную, что кожа на теле отсутствовала; исключение составляли лицо, кисти рук и промежность.

Вокруг свежих трупов роились мухи. Монотонное жужжание до отказа наполняло небольшое округлое помещение. На стене было выведено кровью послание, которое Сара Фарнезе услышала сегодня в зале Ватиканской библиотеки: "Кровь мучеников питает древо церкви". А за головой мертвеца виднелись строчки на английском языке, похожие на слова из стихотворения:

Добравшись до Сан-Айвс,

Я встретил мужчину и семь его жен.

У Ника Косты похолодело в животе. Сара завороженно смотрела на висельников. Складывалось впечатление, что она бесповоротно помешалась.

Ник в два прыжка пересек комнатушку и, присев на корточки, погладил ее по руке:

– Вам надо уйти отсюда. Прошу вас. Сию же минуту.

Сара попыталась отстранить его, дабы не загораживал мертвые тела, но Коста взял ее ладонями за щеки и повернул лицом к себе:

– С этим разберутся другие. Не надо больше на это смот-

реть. Пожалуйста.

Поняв, что женщина не слышит его и не собирается двигаться с места, он с максимальной осторожностью поднял ее на руки и стал медленно спускаться по лестнице, то и дело уворачиваясь от капель крови, падавших с потолка.

Росси стоял за дверью. Когда они проходили мимо, он пробубнил, что группа поддержки выехала. Коста принес Сару Фарнезе в главный зал собора и аккуратно посадил на скамью. Сара уставилась на алтарь, глаза были полны слез.

– Мне надо кое-что сделать, – сказал Ник. – Не могли бы вы здесь меня подождать?

Она кивнула.

Попросив Росси побыть с ней, Коста набрал в грудь побольше воздуха и вернулся в башню, в залитую кровью комнату. Личность женщины удалось легко определить по удостоверению, которое он нашел в сумочке. Одежда оскальпированного мужчины лежала беспорядочной кучей. В кармане куртки обнаружился британский паспорт и корешок билета на сегодняшний утренний авиарейс из Лондона.

Через десять минут появились специалисты из полицейского управления, они поднялись по лестнице и заполонили тесное помещение. Тут были криминалисты, группа внешнего осмотра, целая армия мужчин и женщин в белых пластиковых костюмах. Все упорно выпроваживали Косту с места происшествия, предлагая заняться своими непосредственными обязанностями. Командой заправляла патологоанатом

Тереза Лупо, или Бешеная Тереза, ее в полиции ценили за невероятное хладнокровие и решительность. Разумеется, Бешеная Тереза не могла пропустить подобный случай. Помимо прочего, она, должно быть, знала, что Лука Росси здесь. В отделении ходили слухи, что сравнительно недавно у них завязались личные отношения.

Вскоре прибыл и Лео Фальконе. Он оглядел освежеванный труп, словно музейный экспонат. Как всегда, одежда инспектора отличалась безукоризненностью: тщательно выглаженная белая сорочка, красный шелковый галстук, идеально подогнанный костюм кремового цвета и, конечно, до блеска надраенные туфли. Чрезвычайно импозантный тип: абсолютно лысый, с ровным ореховым загаром и модной серебристой бородкой клинышком. Внешне он напоминал Мефистофеля в знаменитом спектакле. В упор посмотрев на Косту, он ядовито спросил прокуренным голосом:

– Я ведь посылал вас карманников ловить. Какого черта вас сюда занесло?

Коста подумал, что когда-нибудь Фальконе лишится этой наглой самоуверенности, причем на глазах у подчиненных. Кто-нибудь однажды пошлет его куда подальше.

– Эта женщина – жена Ринальди, – доложил Ник.

– А мужчина?

Ник Коста почувствовал, что ему хочется нагрубить Фальконе. Да, он не спросил у Сары про мужчину, хотя она определенно его знала. Ник вообще отказывался ехать сюда. Но

что было делать, если Сара Фарнезе начала сходить с ума...

– Насчет мужчины выясняют, – бросил он в ответ и направился вниз по лестнице, чтобы заняться своим делом.

К его огорчению, Росси рядом с Сарой Фарнезе уже не было. Коста поймал напарника на раскаленной прицерковной площади, где тот пытался найти хоть какую-то тень, затягиваясь сигаретой столь жадно, словно от табачного дыма зависела его жизнь.

– Она что-нибудь сказала? – спросил Коста.

Несколько секунд Росси молчал. Похоже, увиденное в башне не просто ужаснуло его, а заставило страдать. Что-то в этом грузном закомплексованном человеке было такое, чего Коста не понимал.

– Ни единого слова, – наконец выдавил Росси, не глядя напарнику в глаза. Под дряблым лицом набух двойной подбородок. – Я там перепугался и просто не смог войти в комнату. Ты, наверное, заметил. Мерзкое ощущение...

– Там любой мог испугаться.

– Вранье! – прошипел Росси. – Сам ты прошел туда, словно к себе домой. – Он кивнул на криминалистов, куривших у входа в часовню: – И эти ребята тоже.

– Поверь мне, они тоже потрясены. Мы все в шоке.

– В шоке, говоришь? – ухмыльнулся Росси. – Да Фальконе выглядит так, будто готов сожрать этот труп на завтрак.

– Лука, – впервые Ник назвал старшего напарника по имени, – что случилось? Почему тебя направили сюда?

Взглянув на него влажными грустными глазами, толстяк спросил:

– Тебе разве ничего не сказали?

– Нет.

– Господи. – Он выплюнул окурок и достал из пачки новую сигарету. – Хочешь узнать? Так вот, я стал свидетелем дорожного происшествия. Понимаю, такое нередко бывает. Ничего исключительного. Машину вел отец, причем в стельку пьяный. В результате сына выбросило через лобовое стекло и буквально размазало по дороге. Он погиб. Мгновенно. – Росси покачал лысой башкой: – И знаешь, о чем больше всего беспокоился папаша? Под любым предлогом хотел избежать ответственности и лишения прав, убеждал меня, что трезв как стеклышко.

– Мерзавцев на земле хватает. Что тут нового?

– Что нового? А то, что я схватил этого отморозка за холку и ткнул мордой в асфальт. Несколько раз. Хорошо, вовремя подъехал дорожный патруль, я был готов убить выродка.

Коста оглянулся на церковь, словно желая убедиться, на месте ли сооружение. Когда он снова посмотрел на Росси, тот чуть не плакал от неизбывной тоски.

– Его уговорили не возбуждать судебного иска, а меня перевели на другую работу. Хотя, по чести говоря, это без разницы. Мне уже сорок восемь, я не женат и не очень нуждаюсь в чужом обществе. По вечерам я смотрю телевизор, пью пиво и объедаюсь пиццей. До той аварии мне было все до фо-

наря. Но нелепая смерть мальчишки вывела меня из дремоты, будто пелена упала с глаз. Такое когда-нибудь случится и с тобой. Ты тоже состаришься, около тебя будет вертеться энергичный юный напарник, и ты вдруг поймешь, какое все это дерьмо. А может, и того хуже. В конце концов ты поймешь, что все это не игра. Люди умирают, и часто без особых причин. Когда-то настанет твоя очередь.

Косте показалось, будто Росси обижен лично на него.

– Никогда не думал, что есть иной путь, – ответил он. – Иди домой, Лука. Поспи немного. Я сделаю все, что нужно.

– Какого хрена ты сделаешь? Думаешь, я хочу, чтобы Фальконе мне яйца завтра открутил?

Сунув руку в карман куртки напарника, Коста извлек полупустую пачку сигарет и сунул Росси:

– Ну, в таком случае покури. Поговорим позже, хорошо?

Росси кивнул в сторону церкви:

– Хочешь еще кое-что узнать? Могу рассказать, только вряд ли тебе понравится.

– Что именно?

– Она пугает меня, баба из библиотеки. Уж больно держится спокойно. Что это за человек? Ведь сегодня ее чуть не убили. И она побывала в той комнате, наверху. Нет, молчи, пожалуйста! Не хватает еще, чтобы по ночам снились люди без кожи. Это вредно для здоровья. А что касается свидетельницы, по-моему, ей абсолютно наплевать на все эти ужасы. Словно сама к ним причастна.

Ник Коста ощутил необходимость вступиться за Сару Фарнезе:

– Ты не видел ее там, Лука, поэтому не можешь судить. И ты бросил ее одну у алтаря, хотя я просил тебя побыть с ней. Она не знает, куда спрятать глаза, чтобы не разреветься. Тебе следовало бы это заметить.

В знак согласия Росси ткнул его кулаком в грудь:

– Ты прав. Этого я не заметил.

К Росси подошла Бешеная Тереза и попросила закурить. Тот, помявшись, протянул ей сигаретную пачку. Патологоанатом, крупная женщина лет тридцати пяти с черным конским хвостиком на голове, как и Лука, выглядела усталой. Она скинула синтетический комбинезон и осталась в мешковатых дешевых джинсах и мятой розовой блузке. Прикурив сигарету и выпустив облачко дыма в раскаленный полуденный воздух, Бешеная Тереза произнесла с блаженной улыбкой:

– В такие деньки начинаешь больше ценить жизнь. Не правда ли, мальчики?

Мысленно выругавшись в ответ, Коста вернулся в церковь.

Сара молилась, стоя перед алтарем на коленях и сложив лодочкой ладони. Широко раскрытые глаза были неподвижны. Коста подождал несколько минут, пока она закончит. Он догадался, на что направлен ее взгляд. За позолоченным, как принято на византийских иконах, ликом Христа висело

огромное, во всю стену, изображение смерти святого Варфоломея. Руки мученика были связаны и вытянуты над головой, как у того мужчины в башне. Ухмыляющийся палач, держа нож, смотрел прямо на приговоренного, словно прикидывал, как удобнее начать казнь.

Наконец Сара поднялась с пола и присела рядом с Костой на скамью.

– Мы можем поговорить и в другой раз, – предложил он. – Не обязательно сегодня.

– Спрашивайте, что хотели. Лучше уж сразу с этим разделаться.

– Понимаю.

Она вновь обрела невозмутимость, и ему припомнились недавние слова Росси.

– Кем вам приходился Стефано Ринальди? – спросил он.

Пару секунд помедлив, она ответила:

– Он был профессором на моем факультете. Одно время мы были близки. Вы это надеялись услышать? Наш роман длился недолго.

– Ясно. А та женщина, в башне, его жена?

– Мэри, англичанка.

– Да, я в курсе. Она знала о вашей связи?

Сара Фарнезе посмотрела на него пристально:

– Вам что, обязательно все это ворошить?

– Приходится. Если вы не в силах говорить, можем встретиться завтра. Или послезавтра. Как прикажете.

Сара бросила взгляд на заалтарное полотно.

– Да, она узнала. Поэтому все и закончилось. Мне и самой непонятно, как это случилось – обычная дружба постепенно переросла в нечто более тесное. В любом случае брак Стефано и Мэри был довольно непрочен. И я тут ни при чем.

Ник достал из внутреннего кармана куртки пластиковые корочки, между которыми белел листок из блокнота.

– Я пытался понять, что здесь произошло. Не хотел слоняться без толку в ожидании криминалистов. Так вот, эту записку я обнаружил в одежде того мужчины из башни. Полагаю, кто-то ее оставил для него сегодня утром в аэропорту. В записке говорится, что вы просите его о немедленной встрече в храме Святого Варфоломея. И что это очень важно. Вы писали?

Она покачала головой:

– Нет.

– Откуда Ринальди узнал о его приезде?

– Понятия не имею. Может, я проговорилась на работе?

– А мужчина из башни тоже был вашим любовником?

От последнего слова она поморщилась:

– Мы... общались иногда. Его звали Хью...

– ...Фэрчайлд. При нем был паспорт. Хотите взглянуть?

– Зачем?

– Просто совпадение – и он был женат.

– Нет, – холодно проговорила она. – Мне не нужен его паспорт.

– А вы знали?

– Какое это имеет значение?

Коста задумался: "Может, этот мужик был просто похотлив? Если даже так, ну и что?"

– Ладно, оставим. А как насчет кровавой надписи на стене? Кто такой Сан-Айвс? Еще один мученик?

– Нет, это название английского городка.

– А семь жен?

– Я не знала, что у него и одна-то была, – с горькой усмешкой вымолвила Сара.

– Как по-вашему, что же здесь случилось?

Фарнезе бросила на него возмущенный взгляд:

– Это вы полицейский, а не я. Вот и расскажите мне.

Он не терпел скоропалительных выводов, но этой женщине не мог отказать.

– Любой, кто посмотрит на все это со стороны, сразу предположит следующее. – Коста передернул плечами. – Обнаружив, что у вас появился новый любовник, ваш старый дружок решил с ним разобраться. А заодно и со своей женушкой. Не исключено, что и с вами.

– Я уже говорила вам, Стефано не собирался убивать меня. И никакими "дружками" они мне не были. Это были мужчины, с которыми я иногда спала. А со Стефано интимные отношения у нас прекратились несколько месяцев назад.

Косту ее объяснение не убедило. Даже сейчас – бледная от потрясения, с серыми мешками под глазами – Сара Фар-

незе сохраняла природное очарование. Как эта прекрасная женщина могла вести столь пустую жизнь, он не понимал.

– Человека сводят с ума разные вещи, – заметил он. – И далеко не всегда они очевидны. Так, кто-то, поднимаясь по лестнице, способен лишиться рассудка оттого, что ему на темя льется кровь. А на самом деле кровь тут ни при чем. Просто другой человек, которого он любил еще сегодня утром, приговорен к смерти через повешение.

– Возможно, – согласилась она, правда, не слишком твердо.

– Прошу прощения. Мне надо было задать эти вопросы. Знаете почему?

Она не ответила, снова поглощенная созерцанием Варфоломея, готового расстаться с собственной кожей.

– Апокрифическая история, – медленно произнесла она, словно констатируя научный факт.

– Что?

– Я имею в виду эпизод из Библии. Да, Варфоломей был замучен, несомненно. Но каким-то обыденным способом. Например, обезглавлен, как было принято в те времена. Ранняя христианская церковь активно использовала эту легенду, дабы ободрить колеблющихся.

– То есть "кровь мучеников питает древо церкви"?

Она удивленно посмотрела на него, и он понял, что попал в точку.

– Может, позвонить вашим родственникам? – предложил

он.

– Не надо, спасибо.

– Никому? Даже родителям?

– Мои родители давно умерли.

– У нас есть специалисты-психологи, которые помогают в подобных случаях. Консультанты.

– Если понадобится, я вам позвоню.

Он снова припомнил, как о ней отозвался Росси. В этой женщине за внешним покровом скрывалось море непостижимого.

– А вы сами молитесь когда-нибудь? – неожиданно спросила она.

Коста пожал плечами:

– У нас в семье не было такой привычки. Да и не знаю я, чего просить.

– А зачем намекали мне на вечные вопросы? Типа, если Бог существует, то как допускает, чтобы страдали хорошие люди.

– Значит, все они были хорошими людьми? И англичанин, и тот, кто его убил.

Подумав, она ответила:

– Могу сказать одно – они не были плохими людьми.

– Послушайте, – слегка рассердился он, – вам повезло, что вы не работаете в полиции. Ведь нам, помимо этого, приходится искать ответ и на другой вопрос: почему счастье так благоволит негодяям? Почему богатые становятся богаче, а

бедняки беднее? И почему Сталин умер в своей постели? Мой отец коммунист, и в детстве я немало наслышался подобных "вечных" вопросов.

Ник Коста поразился, заметив у нее на лице мимолетную улыбку, придавшую ей совсем иной вид. На секунду Сара Фарнезе помолодела, стала более хрупкой и нежной, избавившись от той ледяной элегантности, которая, как броня, скрывала ее внутреннюю красоту. И вопреки собственным защитным инстинктам он вдруг понял, что от такой женщины любой мужчина может потерять голову.

– Да, семейные традиции, – продолжил Коста. – Именно благодаря им чувствуешь себя членом команды, они поддерживают тебя в борьбе со всем миром. Не завидую тому, кто восстанет против всей этой мерзости в одиночку.

– А теперь мне пора. – Сара встала и направилась к выходу из церкви.

Ник Коста проводил ее долгим взглядом.

5

На следующий день в восемь утра Коста и Росси отчитывались перед Фальконе о проделанной работе. Инспектор выглядел более хмурым, нежели обычно. Его постоянно мрачное настроение мало кому нравилось. И в особо умелых руководителях он не числился. Однако Фальконе обладал талантом, редко присущим руководителям римской полиции. Ему часто удавалось раскрывать запутанные громкие преступления, занимавшие первые полосы газет. Он пользовался большим влиянием за пределами своего полицейского участка. К нему с уважением относились в городской прокуратуре.

На столе лежали документы по делу Ринальди и комплект леденящих кровь фотографий. Фальконе помахал в воздухе вчерашними отчетами и недовольно пробурчал:

– Скудновато.

– Синьор, – объяснил Коста, – мы готовим развернутый доклад, который представим к десяти.

Росси неуютно заерзал на стуле. Фальконе буравил его взглядом: дескать, какого черта этот пацан отдувается за тебя, почему молчишь?

– Так что у вас по синьоре Фарнезе? – спросил Фальконе.

Коста тряхнул головой:

– Вы имеете в виду официальные документы?

– Разумеется.

– За ней ничего не числится, – ответил Росси. – Вчера вечером я проверил ее имя по картотеке. Единственный криминал – превышение скорости.

Наклонившись через стол, Фальконе сурово взглянул на Косту:

– Это вы должны были проверить.

– Знаю, – согласился Ник. – Виноват.

– Так что это за история? – продолжил Фальконе. – Бывший ухажер убивает своего преемника, а заодно и собственную женушку?

– Выглядит так, – подтвердил Коста.

Фальконе передернул плечами:

– Об этом никто не спорит. Похоже, все так и было. Сегодня утром я поговорил с криминалистами. Кроме этой троицы, больше ничьих следов в башне не обнаружено – ни в цоколе, ни на первом этаже. Только Ринальди и этих двоих покойников.

– Так в чем проблема? – спросил Коста.

– Проблема? – Фальконе кивнул на Росси. – Поинтересуйтесь у него.

Коста взглянул на напарника. Они дулись друг на друга после вчерашней довольно резкой беседы, но Коста понимал: пора помириться. Он уважал грустного толстяка и не хотел, чтобы их разделяла взаимная неприязнь.

– Лука? – обратился он к напарнику.

Росси нахмурился:

– Проблема заключается в причине. Ринальди перестал встречаться с синьориной Фарнезе три-четыре месяца назад, Тогда почему все произошло именно сейчас?

– Может, он недавно узнал про англичанина? – предположил Коста. – Услышал, как она расхваливает нового любовника, и взбесился.

Фальконе ткнул в него пальцем:

– Что-то я не видел этой версии в вашем отчете.

Вспомнив о своем вчерашнем разговоре с Сарой Фарнезе, Коста со вздохом признался:

– Упустил.

– Надо плотнее заняться этой дамочкой, – распорядился Фальконе. – Выясните все подробности. Встречи. Имена. Причины.

– Ясно, – кивнул Коста.

А Росси равнодушно посмотрел в окно и вытащил сигарету. "Похоже, у него раньше состоялась беседа с Фальконе", – подумал Коста: другого объяснения не нашел.

– Но какого черта он выбрал столь сложную и длинную процедуру? – удивился Фальконе. – Зачем сдирать с человека шкуру? И зачем ставить жену с петлей на шее на стул? Неужели хотел, чтобы Сара Фарнезе застала ее живой? Плюс эти каракули на стене...

– Он просто помешался, – заявил Коста. – Если выдумал такой зверский способ убийства.

Фальконе хмыкнул:

– Уж больно простое объяснение. Вам не кажется? Ведь это был весьма разумный и организованный человек. Он сумел убедить англичанина приехать в храм прямо из аэропорта, заманил туда жену. А потом убил обоих и отправился в библиотеку... Или сначала прикончил жену? Но тогда почему англичанин дал себя связать, когда увидел ее подвешенной к балке? Разве способен университетский профессор проделать все это в одиночку чисто физически? Полагаю, что нет. Но тогда – как? И в каком порядке? Вот что вы должны мне рассказать. Теперь о Фэрчайлде. Это был весьма крепкий мужчина, вряд ли он позволил бы связать себя какому-то Ринальди. Что сами об этом думаете?

– У меня есть кое-какие соображения, – сказал Росси. – По дороге сюда я зашел в лабораторию и побеседовал с Бешеной Терезой. В крови Ринальди нашли следы наркотика или какого-то мощного успокоительного.

– Успокоительного? – переспросил Фальконе. – Тем более! Как профессор умудрился все это проделать в полусонном состоянии? Но даже если так, где он, черт возьми, научился освежевывать человека, да еще столь умело? Но самая большая загадка для меня по-прежнему: зачем и почему таким изуверским способом?

– Сара Фарнезе работает на том же факультете, что и профессор Ринальди, – обронил Коста. – Надпись на стене – изречение древнего христианского богослова. Возможно, это

что-то объясняет.

– Объясняет? – передразнил Фальконе таким тоном, будто слова Косты были самой большой глупостью, которую он когда-либо слышал. – Вы хотите сказать, Ринальди намекнул Фарнезе: "Они приняли мученическую смерть из-за тебя, сучка. Доказательства перед тобой"? Меня это объяснение не устраивает. Чего он хотел добиться? Логичнее было просто шлепнуть ее. А вы утверждаете, что это не входило в его планы. Что он лишь хотел привести ее туда, где оставил свою жену, еще живую. Так?

Коста вопросительно взглянул на Росси. Тот продолжал смотреть в окно, задумчиво дымя сигаретой. За окном набирал силу очередной знойный безоблачный день. Ник Коста усомнился, что именно такого поведения ожидает от опытного полицейского инспектор.

– Вы не совсем правы, – тем временем гнул свое Фальконе. – Как выяснилось, Ринальди, хотя и работал с ней на одном факультете, но занимался совсем другой тематикой. Областью его интересов были преимущественно римское право и дела папской курии, все эти ватиканские интриги, о которых то и дело приходится слышать даже в наши дни.

– И как все это связано? – оторвался Росси от окна.

– Я просмотрел кое-какие университетские отчеты. Так вот, четыре месяца назад Ринальди вызывали в суд в качестве эксперта по поводу дипломатической неприкосновенности ватиканских чиновников. Им, как всегда, хотелось

расширить свои суверенные права. А нам – наоборот. И Ринальди встал на их сторону, сославшись на какой-то давно забытый ветхозаветный закон. Скажите мне, какое отношение к современности имеют первые христианские мученики?

– И вы считаете, синьор, что мои выводы ошибочны? По-вашему, Ринальди здесь ни при чем?

– Да, черт подери! – отрезал Фальконе. – Никакой другой вариант в голову не приходит.

– Тогда в чем же дело? Разве не достаточно того, что Ринальди знал подобные вещи? До причин не всегда удается докопаться. Поэтому приходится принять все как есть.

Фальконе бросил на него сердитый взгляд:

– Пока об этом говорить рано. Вы ведь знаете, я очень дотошный старикашка. И кое-что меня здесь настораживает. Как и любого настоящего полицейского. Если пропускать подобные вещи, никогда не станешь профессионалом. Вот поэтому я и хочу, чтобы вы разобрались в вопросах, которые заставляют меня чесаться. Мне не нужны сыщики, возомнившие себя святым воинством на службе у правопорядка. Главная их цель – подать любое дело в красивой, аккуратной упаковке, перевязанной ленточками, с правильными ответами на все вопросы. И положить мне на стол, чтобы я погладил их по головкам, после чего приняться за разгадывание новой забавной загадки. Меня такая работа не устраивает.

– Это я знаю, – ответил Коста. – Меня по крайней мере

никто по головке пока не гладил.

Тяжело вздохнув, Росси смял окурок и тут же запалил новую сигарету.

На лице Фальконе появилась довольная улыбка. Он выиграл спор, продемонстрировав Косте, насколько тот глупее начальника.

– Послушайте, ребятки, вы чересчур сентиментальны. Полагаю, вы правильно ответили на основные вопросы. Просто мне не нравится ваш путь расследования. Пытаетесь срезать слишком много углов.

– Синьор, – недовольно буркнул Коста.

– И вот еще что, – добавил Фальконе. – Больше прислушивайтесь, что вам говорят старшие. Понимаю, мы живем в эпоху, когда всех, кому за тридцать, принято считать слабоумными...

– Лично мне двадцать семь, синьор инспектор.

– Ну-ну. Желаю вам выглядеть так подольше. Главное, что я хочу сказать, Коста: в жизни есть только один способ чему-то действительно научиться – внимательно наблюдать за теми, кто старше и лучше вас. Выбросите из головы весь этот мусор, которому вас обучили в полицейском колледже. Нам приходится иметь дело с реальной человеческой жизнью. Люди по большей части пытаются соврать и запудрить нам мозги. Так уж заведено. Поэтому поменьше говорите и побольше слушайте.

Коста скривился:

– Синьор, я...

– Заткнись, – оборвал его Фальконе. – И еще вот что. Там на стене ведь были и другие строки – по поводу Сан-Айвса?

– Настоящая чушь, – сказал Росси, проявив наконец интерес к беседе.

– Может, и так, – согласился Фальконе. – Но теперь я могу показать вам, как это выглядит в полном варианте, мне удалось разыскать.

Глядя в лежащую перед ним на столе распечатку, он продекламировал:

Добравшись до Сан-Айвса,
Я встретил мужчину и семь его жен.
Каждая из них несла по семь мешков,
В каждом мешке было по семь кошек,
У каждой кошки – по семь котят.
Котята, кошки, мешки и жены,
Сколько всего их было в Сан-Айвсе?

Детективы в недоумении переглянулись. Схватив калькулятор инспектора, Коста принялся быстро нажимать кнопки.

Фальконе хитро ухмыльнулся:

– Это математическая головоломка. Какой получился ответ?

Коста переписал в блокнот несколько цифр:

– Итак, семь жен, сорок девять мешков, триста сорок три кошки, две тысячи четыреста один котенок. Плюс один мужчина. В сумме получается две тысячи восемьсот один. – Ему

припомнилась тесная комнатушка в башне и сладковатый запах разлагающейся плоти. – Но к чему эта загадка?

Инспектор нахмурился:

– А к тому, что вы ничего не смыслите в головоломках. И даром потратили время. "Я встретил мужчину и семь его жен..." Ведь они шли в противоположных направлениях. В Сан-Айвсе оказался лишь один человек. Сам рассказчик. Вы постоянно ищете не там. Самый очевидный ответ далеко не всегда самый правильный.

Ник Коста помотал головой:

– Это розыгрыш сумасшедшего.

– Который к тому же эту загадку не закончил, – заметил Фальконе. – Зачем покойнику понадобилось писать эти строки? Можете мне сказать?

Готового ответа у детективов не нашлось.

– Отправляйтесь в дом Ринальди, – приказал Фальконе. – Там уже проводили обыск, но, возможно, что-нибудь пропустили. Постарайтесь понять, что это был за человек, отыщите факты, объясняющие его поведение. И не надо больше наезжать на этого Ханрахана. Он уже дважды мне звонил. Вы произвели сильное впечатление на ватиканских служащих.

Коста не сразу понял, какая тут связь:

– Ханрахан? Вы знакомы?

– О да, мы с ним близкие приятели, – проговорил Фальконе с явным сарказмом. – Расскажу в другой раз. Ну а теперь...

Поднявшись с кресла, он подошел к окну и повернулся к ним спиной – то ли заинтересовался уличным движением то ли погрузился в размышления о чем-то личном. Так или иначе, это был его обычный способ показать, что разговор окончен.

Первым к выходу направился Росси.

6

Супругам Ринальди принадлежала просторная квартира в здании, возведенном в середине XIX века и, судя по всему, недавно отремонтированном. Дом стоял рядом с парком на виа Меценате, соединявшей виа Мерулана с Колизеем. Жилой квартал располагался вплотную к историческому центру Рима. Всего за несколько минут можно было добраться до античных сооружений на Каэльянском холме, а в какой-то сотне метров виднелся Золотой дворец Нерона, окруженный выцветшим на солнце газоном. В самой квартире, отличавшейся правильными пропорциями и отделанной в современной сдержанной манере, было довольно тихо, поскольку окнами она выходила в большой внутренний двор. Тем не менее у Ника Косты зародилось подозрение, что супруги Ринальди вовсе не купались в деньгах. Виа Мерулана не отличалась спокойствием, особенно по вечерам: совсем рядом располагался крупнейший в Риме – а то и во всей Италии – железнодорожный вокзал «Термини». Кроме того, при желании в ближайших проходных дворах и придорожных канавах всегда можно было обнаружить десятки употребленных одноразовых шприцев и использованных презервативов. А по ночам соседний парк служил прибежищем для многочисленных бездомных. Коста отлично понимал, что преуспевающий университетский профессор запросто нашел бы место

для жилья и получше.

Квартиру тщательно осмотрели до их прихода. Коста и Росси ознакомились с протоколом обыска: редкие следы марихуаны, пустой автоответчик, невинные письма, обычная информация на стареньком дешевом компьютере в тесном кабинете рядом со спальней. Интересно, что же нового рассчитывал отыскать здесь Фальконе?

В ящике письменного стола Коста наткнулся на банковские квитанции. Оказывается, супруги Ринальди имели раздельные счета, причем и у мужа, и у жены были солидные задолженности. Так, за профессором числился долг около четверти миллиона евро. Тут же лежали письменные предупреждения из банка – похоже, в случае неуплаты Ринальди предстояло расстаться с квартирой на виа Меценате.

Неужели именно это сделало Стефано Ринальди серийным убийцей? Нет, такую хлипкую идею Фальконе ни за что не примет, надо искать другие мотивы. Коста решил по новой опросить соседей. В предыдущем отчете имелись лишь стандартные рассказы сторонних наблюдателей – дескать, культурные люди вели спокойную, размеренную жизнь, изредка приглашая в гости немногочисленных друзей. Никто не видел синьору Ринальди с синяками на лице и не слышал ее жалоб на поведение мужа. В общем, интеллигентная бездетная семья, однако с трудом сводившая концы с концами. Фальконе прав: что-то за этим кроется.

По утверждению протокола Мэри Ринальди не работала.

Но профессор получал в университете весьма солидное жалованье – около шести тысяч евро. По крайней мере на проживание бездетной семье должно было хватить с избытком. Почему же, несмотря на довольно скромное жилье, они с трудом держались на плаву, куда девались деньги? Внимательнее просмотрев банковские документы, Коста получил ответ: наличные платежи. Ринальди переводил четверть заработка на банковский счет супруги, половина шла на оплату текущих квитанций, а остаток перечислялся на кредитную карточку, откуда деньги моментально исчезали – иногда до тысячи евро в неделю.

Столь крупную сумму наличных мужчина мог тратить на самые разные вещи – прежде всего на секс, выпивку и наркотики. Не исключено, что ему в копеечку влетали встречи с той же Сарой Фарнезе, хотя и сомнительно – эта женщина выглядела слишком независимой, чтобы полагаться на деньги любовника. Впрочем, допустимо, что ее место заняла другая, менее разборчивая подруга. Но это совсем не объясняло, почему Ринальди так окрысился на Сару, что захотел убить ее нового любовника.

Как всегда, на сложный вопрос нашелся простой ответ. Пока напарник разбирался со свежими сообщениями на телефонном автоответчике, Коста заглянул в небольшую, сплошь покрытую зеркалами туалетную комнату, где располагались унитаз, умывальная раковина с укрепленным над ней шкафчиком и душевая кабина в углу. В шкафчике он

обнаружил лезвия для бритья, таблетки от головной боли и два аккуратных ряда белых пластиковых коробочек, по виду аптечных. Он прочитал названия на этикетках: масло примулы, женьшень, селен и тому подобное, всего восемь препаратов.

Коста открыл коробочку с маслом примулы. Десять желатиновых капсул покоились на мягкой белой подушке из ваты. Ник ненавидел вату, потому что она противно приставала к ногтям. Это вызывало у него не меньшее отвращение, чем у некоторых – скрежет железа по стеклу. Предосторожность при хранении дешевых пилюль показалась Косте излишней – вряд ли эластичные ампулы способны разбиться при соударении. Опрокинув контейнер, он высыпал пилюли в сухую раковину и осторожно вытащил хлопковую прокладку.

На дне коробочки лежал прозрачный пакетик с белым порошком. Коста мысленно обругал олухов-криминалистов, до него осматривавших квартиру. Он терпеть не мог доставлять людям неприятности, но в данном случае этого не избежать. Высыпав из пакетика несколько крупинок на тыльную сторону ладони, он лизнул их и почувствовал отчетливый вкус кокаина. Похоже, причины денежных затруднений синьора Ринальди удалось выяснить. Значит, тяга к наркотикам подорвала его семейный бюджет. Да и вскрытие показало наличие в его организме психотропных препаратов.

Коста снова выругался, теперь на себя самого: кроме ко-

каина, пока в квартире покойного профессора им не удалось найти ничего криминального.

Вернувшись в гостиную, он продемонстрировал свою находку Росси, на что тот заметил:

– И эти люди считались интеллигентными? С такими-то гнусными привычками?

– Ну, не оба же, – возразил Коста.

Просто удивительно, до чего часто в их работе всплывает эта тема. Ведь у каждого наркомана имеется семья – по крайней мере кто-то, удовлетворяющий его или ее потребности. У представителей среднего класса такие отношения, как правило, фиксировании и регулярны – как посещение врача: еженедельные утечки из семейного бюджета о многом говорят. Получается, в городе живет дилер, знакомый с семьей Ринальди, – человек, который снабжает наркотиками лишь заядлых любителей, он никогда не рискует и, вероятно, достаточно образован, чтобы оправдывать свою мерзкую деятельность какой-нибудь философской теорией.

Следующий час полицейские посвятили проверке адресов из записной книжки Мэри Ринальди. Они переговорили с парикмахером, врачами, дальними и близкими друзьями, агентами из бюро путешествий. Однако выявить наркоторговца не удалось. Затем они проделали ту же операцию с телефонами, которые нашли в компьютере профессора. Таких оказалось примерно сорок номеров, в основном деловые контакты. Но и здесь не прозвучало ни одного тревожного

сигнала.

Судя по всему, Ринальди часто обращался к компьютеру. На диске имелось большое количество разнообразных эссе, заметок и писем – многие из последних адресовались банкам. Компьютер был подключен к телефонной линии. Щелкнув мышкой по ярлыку электронной почты, Коста ожидал, что машина запросит пароль на вход в программу. К его удивлению, список входящих сообщений открылся без задержки. Три послания были отправлены два дня назад. Одно – обычное рекламное объявление, другое – приглашение на научный семинар во Флориде.

Зато третье письмо чрезвычайно заинтриговало Косту. В сообщении говорилось: "С деньгами никаких проблем. Приезжай к десяти утра". Имя и адрес отправителя отсутствовали, но в самом низу экрана светился номер телефона.

Росси с досадой посмотрел на экран компьютера:

– И они прошляпили это письмо? Фальконе лопнет от злости.

Коста придвинул к себе телефон и быстро набрал высвеченный номер. Ответил женский голос:

– Кабинет кардинала Денни. Что вам угодно?

– Простите. Я ошибся номером. – Ник дал отбой.

– Ну и?.. – спросил наблюдавший за ним Росси.

– Попал в приемную кардинала Денни.

Влажные глаза пожилого полицейского округлились от удивления.

– Ты сказал, кардинал Денни?

– А тебе это имя что-то говорит?

Росси направился к выходу, обронив по дороге:

– Мне надо срочно прочистить мозги. Выпить, и прямо сейчас.

7

Коста настоял на том, что если Луке так необходимо посетить бар, то это должно быть знакомое ему место. И теперь Росси сердито разглядывал содержимое своего бокала, наполовину наполненного подозрительной жидкостью соломенного цвета. Принюхавшись, он отпил глоток, сморщился, положил на хлеб кусок сыра и жадно откусил, рассыпав вокруг крошки. Полицейские сидели на табуретках за низким столиком в кабачке, который располагался неподалеку от дома Косты в Кампо ди Фьоре. Кроме них, здесь была только женщина, прекратившая протирать пол, чтобы обслужить посетителей.

– Почему бы не завалиться в более приличное заведение? – недовольно пробурчал Росси. – Тебе ведь известна рыночная математика? Зачем платить в два раза больше за сандвич, когда за углом можно купить такой же, только в три раза больше и всего за полцены? А заодно и пива.

Коста легонько шлепнул старшего по огромному пузу. Шутливый жест, снисходительно дозволяемый Росси, говорил об определенной близости их отношений. Словно добродушный лев разрешал ребенку дернуть его за хвост.

– От пива ты еще больше растолстеешь, – сказал Коста. – И станешь портить воздух. Поверь мне как напарнику. Уж лучше тебе, дядюшка Лука, соблюдать диету. Особенно учи-

тывая твой солидный возраст и... положение.

– Меня моя комплекция вполне устраивает, благодарю. И никакой я тебе не дядюшка, – огрызнулся Росси. – Что за причуда – поселиться в Кампо? Копы в такой дыре не живут. Вот почему мне хочется выпить в нормальной обстановке.

– И вовсе не причуда. Просто мне нравится тут жить.

– Ну да, и заодно трахать туристок, когда хватят лишку?

– Ничего подобного. Это место мне по душе, вот и все.

– Ой ли, – недоверчиво произнес Росси. – Похоже, где-то поблизости есть приличные картинки, не так ли?

– Да, в этом районе есть что посмотреть, – согласился Коста.

Толстяк бросил на него уважительный взгляд, словно говоря: "Ну, теперь ясно, какого хрена ты здесь поселился".

– Я ничего не знал о той аварии, Лука. И что там случилось. Прошу прощения.

– Видал я и похуже, – проворчал старший. – Впрочем, мы оба видели. Вчера. Такие вещи невозможно забыть. Поначалу кажется, ничего страшного, а потом... Словно цепляешься за угол. Вдруг понимаешь, какая мерзость царит кругом и всегда царила, а ты просто обманывал себя, что все обойдется.

– Кстати, тут рядом есть интересная картина. Могу показать, если хочешь.

Росси с трудом сдержал смех.

– Мне? Любоваться живописью?

– Почему бы и нет?

– Предложи кому-нибудь другому. Хотя бы уличным отморозкам.

– Стоит подумать. Ну а теперь расскажи мне об этом кардинале Денни.

Росси порывисто схватил его за руку:

– Тише, приятель, ради Христа.

Коста удивленно поднял брови. Кроме них, в баре по-прежнему была только женщина, она протирала пол в дальнем углу.

– Ты что, никогда не слышал про него? – опасливо спросил толстяк.

– А что я должен был слышать?

Росси тряхнул головой:

– Сплетни, что ходили одно время по нашему участку.

– Наверное, был слишком занят и пропустил.

– Черт подери, – проворчал толстяк полицейский. – Прямо святая невинность какая-то. Ну а насчет банка "Ломбардия" ты в курсе?

– Разумеется, – кивнул Коста. – Помнится, у них были крупные неприятности. Что-то связанное с незаконными инвестициями. Подозрение пало на руководителей банка. Тысячи вкладчиков лишились своих денег – и наши, и американские.

– Умница. А теперь слушай. За двух напарников до тебя мне довелось дежурить на машине с парнем, который прак-

тически не закрывал рта. Вероятно, даже во сне бормотал, но самое забавное... он умел и слушать. Некоторое время он был приставлен помощником к следователям, разбиравшимся с махинациями в министерстве финансов. Господи, как же он любил потрепаться о секретах, которые ему довелось узнать, и об этих политиках, которых прихватили за жабры. Ему были известны имена всех людей, исподтишка приводивших в движение хитроумный механизм. И знаешь что? У одного из них была красная кардинальская шапочка, и звали его Майкл Денни. В тот раз ему удалось спрятаться под крышей Ватикана, зато теперь, похоже, он угодил в наши сети.

– Ватикана?

– А где же еще? – Росси на несколько секунд задумался, освежая в памяти давние события. – Господи, банкиры – только видимая часть айсберга. Это была всего лишь частная операция, которую Денни тайно прокручивал за спиной официального Ватикана. – Он опустошил бокал одним глотком. – А тут внезапное банкротство. Проблемы ликвидности. В такой суматохе никто не знает наверняка, удастся ли ему выпутаться. Помнишь ту шумную историю?

– Угу. Читал в газетах.

– Ни хрена ты не читал. Слушай, Ник. Этот Денни сунул свои шаловливые ручонки в такое дело, с которым никому не стоит связываться, тем более священнику. Он размещал деньги на оффшорных счетах в местах, где никаких оффшорных фондов официально не существует. Чтобы до

них заведомо никто не добрался – ни налоговая инспекция, ни финансовая разведка. После банкротства банка "Ломбардия" к святому отцу выстроилась длинная очередь желающих потолковать. В том числе из нашего ведомства, министерства юстиции, ФБР. И еще, сдается мне, из мафии. Таких промахов с отмывкой денег эти ребята не прощают даже Ватикану. Кардиналу повезло, что он успел спрятаться под крышей папской курии, воспользовавшись дипломатическим иммунитетом. – Он помолчал. – Помнишь, что говорил Фальконе? Насчет Ринальди?

Коста кивнул: несколько месяцев назад профессора вызывали в качестве эксперта как раз по данному вопросу.

– Думаешь, Денни расплатился с ним за поддержку нужного решения? – Росси быстро огляделся, проверяя, нет ли кого рядом. – А даже если и так, что из того? Фактически Денни из священника переквалифицировался в финансиста. И вряд ли мог рассчитывать на дипломатическую неприкосновенность. Поздно корчить из себя святого, когда денежки тю-тю... И огромная куча денежек. Я читал отчет по этому делу.

– А зачем он их украл? Зачем человеку с его положением понадобились такие капиталы? – не понял Коста.

– Все дело в родовых корнях. Денни из ирландско-американской семьи. В годы "сухого закона" его бостонские предки активно участвовали в контрабанде спиртного, каким-то боком они даже были связаны с кланом Кеннеди. Потом за-

нялись политикой, финансами, и все такое прочее. Преступные наклонности, полагаю, у них в крови. Денни еще ребенком наставили на путь священнослужителя. Имя себе он составил, работая в ирландских гетто Бостона. Так сказать, пастор из народа. Особых перспектив это не сулило, и он сделал неожиданный скачок – перебрался в Европу. К тридцати годам оказался в Ватикане, а в сорок пять стал кардиналом. Ему поручили пристраивать деньги папской курии. Вначале он приобрел акции "Ай-би-эм", "Дженерал моторс" и тому подобных солидных компаний, затем решился на более рисковые операции – принялся переводить средства на счета заведомо не существующих организаций. А со временем вообще занялся отмывкой доходов из источников, о которых одному Богу известно. – Росси задумчиво обозрел дно пустого бокала. – Слушай, какого хрена я тебе все это рассказываю?

Коста пожал плечами:

– Захотел.

– Это точно, – пробормотал толстяк. – Так вот, по сведениям одного из моих людей, к началу нового тысячелетия финансовые дела "банковского дома" Денни, как и многих других банков, выглядели далеко не блестяще. Кардинал попробовал подстраховаться, сделав ставку на компании, специализирующиеся на авиационных перевозках и средствах связи, но и тут прогорел. В один ясный сентябрьский денек он включил телевизор и увидел, как два авиалайнера протаранили нью-йоркские небоскребы. После этого в делах кар-

динала наступил полный облом. Стань его тайные махинации известны общественности, ему грозило бы длительное тюремное заключение. Это не устраивало ни его, ни многочисленных вкладчиков, которые доверили свои сбережения – пусть не всегда трудовые – святой церкви.

– Твой человек неплохо осведомлен, – заметил Коста.

– Да, знающий был мужик. Собственно, почему "был"? Он еще есть.

– Судя по всему, у него отличная память. А чем он сейчас занимается?

– Вероятно, возится с каким-нибудь изворотливым засранцем, который не верит ни единому его слову. Я понятно излагаю?

– Несколько туманно. Ему что, удалось кого-то арестовать?

– Да. Только кого? Ведь официально банк "Ломбардия" до сих пор не объявлен банкротом, его деятельность всего лишь "приостановлена". Почти все деньги переправлялись в такие дивные места, как Лихтенштейн и Большие Каймановы острова. Попробуй разыщи их там. Следователям из финансового управления удалось отыскать мелкого клерка, который согласился кое-что рассказать. Но вскоре его нашли в собственной ванне, плавающим лицом вниз. Диагноз: разрыв сердца. Дело, в общем, обычное. Кто знает! Может, сам Денни руку приложил. Не исключено, что, войдя во вкус, он захочет избавиться и от других нежелательных свидетелей,

оказывавших ему определенные услуги.

– Например, от Стефано Ринальди, он ведь отстаивал автономные права Ватикана.

– Выглядит не слишком правдоподобно, тебе не кажется? Впрочем, у Денни обширные связи. Самому ему достаточно тихо сидеть за ватиканскими стенами. Для нас он недосягаем. По крайней мере до тех пор, пока святые пастыри не пожелают избавиться от паршивой овцы. Только вряд ли мы этого дождемся.

– А почему церковь должна его терпеть? – озадаченно спросил Коста.

Росси посмотрел на него, как Фальконе, словно говоря: "Не будь же таким идиотом, парень".

– Тут дело не просто в церкви, а в Ватикане. Как я уже тебе говорил, папская область для нас все равно что Монголия. Без личной заинтересованности там никого не сдают. Возможно, Денни – что-то вроде занавески, за которой скрывается кое-кто покрупнее. А может, и нет. В любом случае нам его не достать, и он вряд ли покинет свое укрытие, понимая, что мы тут же его схватим. Кроме того, он, думаю, боится встречи с бывшими клиентами. Крутые ребята пойдут на все, чтобы вытрясти из него свои деньги.

Коста оставался непреклонен:

– Мы должны все проверить.

Толстяк помахал пальцем у него перед носом:

– Нет и нет! Забыл слова Фальконе? Даже не заикайся,

больше мы туда не пойдем. Усек?

– Ты ведь сказал, что это только сплетни. Кстати, я знаю тут еще одно место.

– А как насчет живописи? – попытался Росси сменить тему.

– Все-таки хочешь посмотреть?

– Мой стакан пуст. И ты начинаешь меня пугать. Кроме того, по твоему мнению, на это стоит взглянуть.

Выйдя из бара и перейдя оживленную улицу, они углубились в густую сеть переулков, раскинувшуюся между Пантеоном и площадью Навона. Росси послушно следовал за молодым напарником.

– Это кому же пришло в голову размещать шедевр в такой дыре? – поинтересовался Росси, когда они вошли под сумрачные своды небольшой часовни. – Даже в Неаполе я видел церквушки получше.

– Это храм Святого Людовика Французского. Здесь хранятся два шедевра Караваджо. Он написал их именно для этой церкви.

– Очень любопытно, – сказал Росси без всякого энтузиазма.

Коста бросил несколько монет в щель ящика рядом с выключателем. Под потолком и на стенах вспыхнули электрические огни. Росси, поморгав от неожиданности, увидел огромное полотно: группа людей пересчитывает монеты, лежащие на столе. Трое человек, обернувшись, смотрят на две

фигуры, стоящие справа от них. Сзади вошедшую пару освещает поток яркого света.

– Здесь изображены сборщики налогов, – пояснил Коста. – Картина называется "Призвание святого Матвея". Матвей – он сидит в центре – спрашивает, тыча себя в грудь пальцем: "Я?"

– А кто эти двое справа?

– Иисус и Петр, символизирующий церковь. Протянув руку, Иисус говорит Матвею, что тот избран апостолом.

– И как это связано с аварией, о которой я тебе говорил? Ведь ты недаром меня привел сюда?

Коста кивнул: толстяк быстро соображал.

– Глянь на костюмы. На сидящих за столом обычная одежда того периода, когда создавалась картина. А Иисус и Петр облачены в типично библейские одеяния. Караваджо исказил исторический эпизод, но существенно углубил идею. Он изобразил момент божественного откровения, когда Матвей неожиданно понимает: жизнь – это не только материальные блага.

– Ты все больше напоминаешь мне проповедника, – проворчал Росси.

– Прошу прощения.

– Ну а в чем тут конкретный смысл для меня?

– А в том, что надо шире смотреть на вещи. Бывают разные ситуации, но в любой нужно помнить, для чего стоит жить. То есть не просто так изо дня в день трудиться и радо-

ваться, что все в порядке.

– Что ж, в этом есть определенный резон.

– Вот именно, – подхватил Коста. – Только надо разглядеть то, что подскажет тебе верный путь. Может, для этого судьба и столкнула нас с тобой.

Росси глубоко вздохнул. Похоже, до него дошло.

– Ты ведь католик? Эта картина как раз о таких, как ты, старина, согласен? – спросил Коста.

– Нет. Вовсе нет. Мне просто нравится искать и находить во всем конкретный смысл. Своего рода хобби.

Пара зашедших в церковь туристов зажгла лампочки у соседней картины того же Караваджо. Росси оценил про себя и выразительную игру красок, и динамику сюжета. Над стариком, лежащим на полу, занес меч убийца с безумным лицом. Картина вызывала у зрителя глубокое чувство тревоги.

– "Мученическая смерть святого Матфея", – тихо прокомментировал Коста. – История из другого времени.

– Никогда не понимал, почему в религии, основу которой составляют жизнь и мир, так много убийств, – пробубнил Росси. – Ты можешь ответить? Или для этого тебе сначала надо стать католиком?

– Думаю, это связано с мученичеством. Люди приносят себя в жертву во имя чего-то более высокого, чем обычное человеческое существование. Скажем, во имя матери-церкви. А для моего отца это были серп и молот.

– Звучит глуповато, – процедил Росси, вытерев губы тыль-

ной стороной ладони.

Коста сообразил, что старшему хочется пива. Он вывел толстяка на улицу и показал ему ближайшую пивную. Росси взглянул на него влажными подобревшими глазами:

– Если хочешь узнать о деле кардинала побольше, у меня есть предложение.

– В самом деле?

– Угу. Сегодня вечером мы договорились с Бешеной Терезой поужинать. Можешь присоединиться. Услышишь немало интересного.

– Разве Бешеная Тереза назначила свидание нам двоим?

Росси состроил невинные глазки:

– Свидание?

– Да я почти не знаком с ней, – сообщил Коста.

– Да брось ты, это же Бешеная Тереза. Ее всякий знает.

– Я же сказал, мы почти не знакомы.

Росси принял обиженный вид:

– Конечно, это не лучший способ для налаживания отношений. Но ведь я для тебя стараюсь, малыш. Все, что в моих силах. Кроме того, это весьма подходящий вариант. Она любит потрепаться. И вообще не собираюсь я ужинать наедине с Терезой.

Коста не поверил своим ушам.

– Господи, а какого черта я туда попрусь?

– Ну, ты ей нравишься. И не спрашивай меня почему. Смотри на эту встречу как на жест вежливости. Так сказать,

укрепление связей между отделами полиции, вот и все.

– Великолепно придумал.

– Значит, договорились?

– Как сказать, – лукаво произнес Коста.

А вдруг Тереза вне службы совсем другая женщина?

8

Сара Фарнезе обитала в небольшом и уютном районе Борго, зажатом между руслом Тибра и стенами Ватикана. Жилой массив относился к Риму и принадлежал муниципалитету. Тем не менее нельзя было не учитывать близкое соседство папских владений на вершине холма. Дом стоял на улочке Виколо делле Паллине, спрятавшейся между виа ди Корридори и Борго Пио. Укрепленный узкий проход Иль Пасетте, соединявший Ватикан с бывшим папским замком Кастель Сант-Анджело, был застроен старинными зданиями преимущественно коричневато-желтого цвета. Когда по следам давно умерших понтификов шли экскурсанты, до Сары доносились слабые, словно из глубокого подземелья, звуки голосов. Всего в нескольких минутах ходьбы от дома располагалась площадь Святого Петра с толпами туристов и постоянной торговой суетой. Но по ее любимым узким переулкам внутри квартала праздный народ, как правило, передвигался не спеша и с благоговением. Модернизация практически не затронула этот уголок Средневековья, он сохранил свое скромное, но выразительное обличье. Дома здесь, как правило, переходили от поколения к поколению. Сара являлась исключением.

Эту квартиру на втором этаже она, двадцатитрехлетняя, купила за очень приличные деньги четыре года назад, посту-

пив на преподавательскую работу в Римский университет. С тех пор она изменилась и внешне, и внутренне – причем внешне больше, чем хотелось бы. Учеба в колледже – сначала в Америке, потом в Лондоне – стала далеким воспоминанием. А уж детские годы – скитания по европейским интернатам, которые закончились средней школой в холодном швейцарском городке Монтре, – вообще виделись, как в густом тумане. В памяти застрял только школьный пароходик, скользящий по необъятному Женевскому озеру. Она тогда завороженно смотрела на зеркальную гладь из дальнего угла палубы, куда забивалась, спасаясь от назойливого внимания классной руководительницы, считавшей ее нелюдимой и чудаковатой. Сара часами просиживала на палубе, не отрывая распахнутых глаз от резной короны, украшавшей восточный берег и четко отражавшейся в светлой воде. Ей казалось, что с горных вершин на нее молча взирает Господь – всемогущий и вездесущий наблюдатель, отрешенный от мирской суеты.

Все наиболее яркие воспоминания Сары Фарнезе были связаны с физическими или географическими объектами. Зеленые лужайки и холмы Гарварда. Прямоугольные университетские кварталы Оксфорда. Извилистые улочки неподалеку от Голубой мечети в Стамбуле. Бродя по этим улочкам, она воображала себя современницей императора Константина и свидетельницей эпохи раннего христианства, которое выбрала предметом своих научных исследований –

или оно ее выбрало, трудно сказать наверняка – и к которому испытывала непреодолимую страсть.

Что касается людей, то их в памяти Сары Фарнезе задержалось немного. Например, воспитательница детского сада при парижском монастыре сестра Аннетт. Сара часто мысленно возвращалась в солнечное июньское утро двадцать два года назад. И теперь, находясь в своей уютной римской квартире, она легко воскресила в памяти усталое озабоченное лицо монахини в накрахмаленном снежно-белом платке.

В то утро сестра Аннетт отвела Сару в крошечную комнату. Солнечный свет проникал туда через узкое витражное окошко, изображавшее Христа с барашком на руках, и разбивался на яркие разноцветные лучи. С улицы долетал протяжный перезвон колоколов церкви Святого Евстахия, смешанный с веселыми звуками оркестра из соседнего торгового комплекса. Воздух отдавал пылью, но, как и все в монастыре, комнатка была чисто прибрана. Они сели на жесткие деревянные стулья и положили ладони на старый потрепанный том Библии.

Саре всегда казалось, что сестра Аннетт выглядит намного старше своих лет. Порой она представляла лицо монахини без морщин и без напряженного – будто от сильной внутренней боли – выражения. Вот бы вместо белого платка и темного облачения одеть ее в нормальное, человеческое платье, которое Сара видела на женщинах на улице. Тогда единственное, что роднило бы выдуманный образ с реальным, со-

стояло в ярких голубых глазах, а они в тот далекий парижский день смотрели на Сару столь страстно, что испуганной девочке хотелось спрятаться под стол.

Воспоминания обычно касаются не каких-то деталей, а общего впечатления. Усвоив это правило еще в детстве, Сара никогда не пыталась восстановить давние разговоры дословно. В данном случае все ее ощущения безошибочно сосредоточились на пронзительном взгляде воспитательницы.

Они беседовали о божественных чудесах. Никому из живших на земле людей – даже самым выдающимся – не удавалось до конца понять Божью волю и провидение. Ни сестре Аннетт, ни мудрому проповеднику с иностранным акцентом, который время от времени посещал их монастырь, чтобы растолковать слова Священного Писания, а перед уходом ласково прикасался к голове каждого ребенка.

Даже папа римский не мог до конца разобраться во всех замыслах и деяниях Господних. Слова сестры Аннетт очень удивили маленькую Сару, она привыкла считать, что глава церкви является неотъемлемой частью Царства Небесного.

Да, Бог бывает суров. И случается, люди не понимают, чего хочет Всевышний. Тогда невинные страдают больше, чем грешники. Боль испытывают те, кто ее совсем не заслужил, и весь мир заполняет вселенская печаль, от которой никуда не деться. Законно было бы спросить, почему Господь допускает подобное. Именно такие вопросы нашептывает человеку Сатана в моменты слабости и упадка сил. Человеческую ду-

шу спасает от дьявольских козней бесконечное, хотя и непостижимое милосердие Господне. Мы сами строим свои темницы. Мы сами – не Вседержитель – торим себе дорогу в ад. Он возлюбил нас в страданиях наших и в конце концов воздаст нам по доброте своей. Если только мы покорно последуем за ним. Только так мы отыщем путь на небеса.

"Жизнь, – говорила сестра Аннетт, – это настоящий Божий дар. Как любой подарок, его можно взять назад. И если такое происходит, не надо сетовать на судьбу. Нужно лишь благодарить Бога за то, что он по своей милости сделал тебе столь бесценный подарок. Безмерно любить его, обретая в этой любви истинное утешение".

Сара заглянула в проницательные голубые глаза воспитательницы, пытаясь понять ее слова. Она обожала эту женщину. В школьные годы сестра Аннетт фактически заменяла ей родителей. Отец с матерью наведывались крайне редко и ненадолго. Ей лишь запомнились их высокие строгие фигуры. Родители Сары были очень занятыми людьми, и она радовалась уже тому, что они вообще ее навещали. Во время визитов они целовали ее в щеку и привозили кучу подарков и заодно давали обещания. Сестра Аннетт считала подобные отношения вполне нормальными, а Саре было хорошо известно, что она никогда не лгала. Поэтому она не испытывала особой привязанности к родителям. Они жили в таком мире, где пятилетняя девочка, не отличавшаяся разговорчивостью и проводившая почти все время в тайных меч-

тах, вряд ли была бы счастлива. Получалось, в интернате они оставили дочь для ее же блага, за что та должна быть им признательна.

– Господь трудится не покладая рук, хотя нам не всегда дано понять его замыслы, – сказала монахиня и замолчала, словно не решаясь продолжить.

Девочке показалось, что воспитательница не вполне здорова – может, простуда или грипп. Сара плотнее прижала ладошку к бледной руке, лежавшей на Библии. Она просто не представляла жизнь без этой чудесной женщины.

– Сара, – наконец промолвила монахиня, – Господь забрал твою маму и твоего папу к себе. Это случилось вчера. В Америке. Дорожная авария. – Она сморщилась, будто горло перехватила резкая боль. – Теперь они рядом с Богом, на небесах. И ты когда-нибудь там окажешься, если будешь такой же хорошей девочкой, как сейчас. Господь любит тебя, Сара. Мы все тебя любим. И будем любить вечно. И все мы рано или поздно воссоединимся. Твои родители и мы.

Сестра Аннетт снова замолчала. Глаза у нее блестели от сдерживаемых слез.

– Тебе не о чем беспокоиться, – сказала она, неожиданно перейдя на деловой тон. – Если хочешь, оставайся здесь навсегда, мы присмотрим за тобой. Если нет, можешь покинуть монастырь. Выбор за тобой. У тебя достаточно средств для безбедного существования.

Монахиня крепко обняла девочку. Сара отчетливо запом-

нила ее запах – сухой аромат смерти. Меньше чем через год Всевышний забрал на небеса и сестру Аннетт. Свое место в длинной процессии к его вратам она заняла с тихой, исполненной надежды улыбкой.

– Погрусти, – закончила воспитательница. – Но недолго. Ты должна быть счастливой и мудрой. И благодарной. Тебе есть кого и за что благодарить.

– Я буду такой, как ты сказала, – прошептала девочка и подумала: хватит ли ей сил выполнить обещание?

Монахиня улыбнулась:

– Я знаю, моя маленькая Сара. У тебя все сложится хорошо. В один прекрасный день ты получишь вознаграждение. Когда-нибудь ты испытаешь самое сильное наслаждение в жизни.

Последние слова прочно врезались в память Сары, она безоговорочно верила сестре Аннетт. А у той, пока она говорила, по щекам медленно, но неудержимо катились крупные слезы. Она очень напоминала Деву Марию в монастырской часовне – только у святой слезы были не жидкие, а перламутровые.

Очнувшись от воспоминаний и взглянув на часы, Сара Фарнезе удивилась захватывающей притягательности образов детства. Подчас они перекрывали реальные события, заметно влияя на принятие решений и выбор плана действий. Что бы на ее месте сделала сестра Аннетт? Сара знала ответ, поэтому и боялась задумываться над ним.

На часах было 14.27, за окнами вовсю суетились газетчики. Их гам болезненно раздражал ее. Сара сняла трубку и положила рядом с телефоном. Она чувствовала упорное ожидание журналистов за дверью.

Надев солнечные очки, она осторожно приблизилась к окну. На узкой полоске тротуара у подъезда стояли непрерывно щелкающие и вспыхивающие фотокамеры. Больше всех мельтешили телевизионщики, мечтавшие первыми запечатлеть самую популярную на сегодня женщину. Ту женщину, которую все средства информации уже расписали как черного демона, повинного в том, что бывший любовник убил своего преемника, а заодно и жену – причем самым зверским образом.

Случайные прохожие останавливались, удивленные необычным столпотворением вблизи папских владений. Интересно, а они смогли бы ее простить? Или хотя бы понять? Вряд ли, подумалось ей. Учитывая ажиотаж, раздутый щелкоперами, любопытства обывателей не избежать.

В 14.29 Сара Фарнезе, пройдя в спальню, включила специальное телефонное устройство, установленное в тумбочке рядом с кроватью. Оно позволяло в заранее оговоренное время тайно связаться с нужным человеком. Ровно в 14.30 раздался звонок.

Сара Фарнезе с благодарностью слушала знакомый голос, полный дружеского тепла и поддержки; он убеждал, что все будет в порядке, надо лишь соблюдать спокойствие и хра-

нить молчание, особенно при общении с полицией.

Сара всплакнула – слезы уже было просто невозможно сдержать. Потом пожаловалась на репортерскую сволочь, жадно топтавшуюся у дверей в охоте за ее скальпом.

– Не бойся, скоро я тебе сделаю подарок, – попытался он ее утешить.

Поговорив по мобильнику не более четырех минут, Сара почувствовала себя готовой к борьбе с миром – тем самым, о котором ей весьма упрощенно рассказывала сестра Аннетт.

Около 15.00 она осторожно подошла к окну. По Борго Пио катили две поливально-уборочные машины, они появились за день до положенного времени: проезжая часть лишь слегка запылилась, и особого мусора не было, потому что большинство горожан бежало от жестокой августовской жары. Механические дворники свернули на Виколо делле Паллине, где ранее их никогда не встречали, и направились прямо на толпу под окнами ее квартиры. Журналистская братия с руганью подхватила камеры и прыснула в разные стороны.

Сара злорадно наблюдала из-за приоткрытых штор за бегством врагов. Да, с его стороны это был весьма щедрый подарок и, главное, вовремя. Но увы, назойливые приставалы рано или поздно вернутся на прежнее место.

И действительно, толпа под окнами вскоре почти восстановила свои ряды. Неожиданно от нее отделились две фигуры – высокий толстяк и молодой стройный человек ростом пониже. Узнав вчерашних полицейских, Сара приня-

лась быстро приводить мысли в порядок.

9

Сидя на сухом склоне Эсквилинского холма, недалеко от виа Меценате, Джей Галло нехотя доедал купленный в ближайшей пиццерии кальцоне – кабачки цукини и соленые авокадо, завернутые в моцареллу. Продолжавшиеся четвертый день съемки археологических раскопок снова остановились. Любопытно, когда продюсер в Нью-Йорке прочитает финансовый отчет и прикроет финансирование их идиотского проекта, а заодно и выдачу суточных? Самому Галло эта работенка уже порядком надоела. Куда больше можно заработать на туристах, таскаясь с ними по городу и рассказывая скабрезные анекдоты из римской истории. Он вообще ненавидел телевизионщиков за непомерные, как дирижабль, амбиции. Но больше всего Джей Галло не любил их за бесчестность. В свое время, пока выпивка и наркотики не сбили его с прямого пути, Галло был перспективным молодым ученым в Гарварде, темой его исследований являлся античный Рим. Теперь он превратился в вечно голодного переводчика и гида. Постоянное наблюдение за этой пародией на археологические раскопки – когда с озабоченным видом обсуждают принадлежность любого камушка к храму Аврелия или Золотому дворцу Нерона и благоговейно вздыхают над каждым керамическим черепком и ржавым гвоздиком, заведомо не связанными с античной эпохой, – вызывало у него отвраще-

ние. Джею Галло вполне хватало знаний и опыта, чтобы понять: «эксперты» по материальным соображениям напускают псевдонаучный туман.

Наиболее ярко шоуменов от археологии представлял некий Сципио Кампион – уже одно это имя вызывало у Джея зубовный скрежет. Второразрядный профессор из Оксфорда – с крошечным подбородком и произношением, от которого уши вяли, – держался с таким академическим апломбом, что американские зрители просто падали от восторга. Если верить телевизионной передаче, то всего за сезон Кампион обнаружил военный лагерь, где армия Спартака скрывалась от Помпея, раскопал дворец в Гластонбери, расписанный фресками (он тут же отнес их к эпохе правления Авалона), и отыскал гробницу в окрестностях Александрии (а внутри – только подумать! – обезглавленный скелет Цезариона, легендарного сына Юлия Цезаря и царицы Клеопатры). Все его открытия выглядели крайне недостоверно и были абсолютно бездоказательны. И сейчас Джей с отвращением смотрел, как Кампион важно расхаживает перед телекамерой. Круглый бездарь. Если бы Джею Галло представился подобный шанс, он сделал бы все гораздо лучше. Но эта сучка, руководительница съемочной группы, рассмеялась ему в лицо, едва он предложил свои услуги.

Прикончив кальцоне, он прислушался к дурацкому спору между Кампионом, режиссером и оператором по поводу того, как должен падать свет на лик выдающегося археолога.

– Кретины, – с раздражением пробормотал Джей Галло.

Настроение испортилось окончательно. Дела были как сажа бела. Приходилось работать мальчиком на побегушках развозя коробки и пакеты черт знает с чем по адресам, куда второй раз по доброй воле ни за что не поедешь. Но торчать во вшивой телевизионной программе было все-таки лучше, чем париться в тюряге.

В кармане рубашки зазвонил мобильник. Джей нехотя вытащил его потной рукой, нажал кнопку и отошел подальше от спорщиков, чтобы кто-нибудь не выговорил ему за личные разговоры в рабочее время.

– Синьор Галло? Меня зовут Дельгадо. Я работаю в туристической компании в Борго. Вы вряд ли о нас слышали. У меня большая проблема. Вы сейчас заняты?

– Очень. – Джей всегда пользовался этой ритуальной фразой в разговоре с шустрыми клиентами, чтобы поставить на место и принудить по достоинству оценить его услуги, прежде всего в денежном выражении.

– Хм-м. Прошу прощения. Тогда в другой раз.

– Я не сказал, что не могу, – огрызнулся Галло. – Просто занят.

– Нам срочно нужен человек. Ко мне обратились из одного агентства. Прибыла группа важных персон, желающих посетить Остиго[1], и всего за час надо отыскать для них пе-

---

[1] Остия – крупный средиземноморский порт вблизи Рима – Здесь и далее примеч. пер.

реводчика.

– И о чем трепаться?

– Что-что?

– Я спрашиваю, на какую тему экскурсия? О чем мне им говорить?

– О последних археологических находках периода Римской империи. Краткая история порта. Особых подробностей не требуется.

Впервые за целый день Галло улыбнулся:

– Понял. А подробностей я могу навалить сколько пожелаете. Именно этим я занимался в Гарвардском университете.

Мужчина на другом конце провода слегка заколебался:

– Да, я слышал. Так вы свободны?

Галло хорошо чувствовал момент, когда наступала пора подсекать рыбку:

– Буду с вами откровенен. Как раз сейчас у меня важное деловое мероприятие. И если придется от него оторваться, появятся неизбежные убытки. Короче, шестьсот долларов в день.

– Это очень солидная сумма, – неуверенно протянул турагент.

Галло решил стоять на своем. Оставался лишь один съемочный день, а ему заплатили вперед. И хотя в целом он не любил обманывать людей, но в данном случае сделал бы это с удовольствием.

– Или соглашайтесь, или будьте здоровы.

– А нельзя перезвонить вам минут через тридцать? Вы где будете?

– Найдете меня в остерии "Капри". Это на Лабикана, что рядом с Колизеем.

– Вы там пьете кофе?

– Вот именно, кофе, – ответил он, ухмыльнувшись. И какое парню дело, что он предпочитает пить?

– Там и встретимся. – Собеседник положил трубку. Галло даже не успел выяснить его приметы.

Он снова подошел к операторам-телевизионщикам. Те возобновили съемку. Перед камерами Кампион с важным видом держал в руках какой-то осколок, разглагольствуя о том, что это, возможно, кубок, принадлежавший Нерону.

Галло направился прямо к профессору и решительно отобрал коричневый кусок неглазированной керамики.

– Позвольте опровергнуть фантастические домыслы моего коллеги всего лишь одним реальным фактом, – спокойно произнес Галло, улыбаясь прямо в камеру. – Нерон действительно жил здесь за три года до того, как погиб от руки раба, который опередил римлян, желавших растерзать императора на куски. Но императоры никогда не пользовались такой убогой посудой. У них были великолепно изукрашенные тарелки и бокалы, они ели на золоте и серебре. А такой мерзости никогда не нашлось бы места в императорском дворце. Даже рабу было бы зазорно прикасаться к ней. Ты, дружище,

раскопал всего лишь гончарную мастерскую при императорском дворце. Поэтому кончай дурачить добрых людей.

Джей Галло почувствовал полное удовлетворение. Может до встречи с агентом он успеет перехватить и кружечку пивка. Это ему явно не повредит.

Режиссер, невысокая женщина с потемневшим от злобы лицом, ткнув в него толстым пальцем, громко прошипела:

– Вы, мистер, уволены.

– Благословенный денек, – хохотнул Галло и устремился вниз по склону холма, насвистывая от радости.

Теперь у него образовалось окно для двух кружек пива. Лицо у Галло расплылось в блаженной улыбке. Он всегда сумеет найти работу. Все вокруг его любят.

У остерии его поджидал длинный черный "мерседес". Галло удивился ватиканским номерным знакам и влез в машину.

10

Возле входных дверей роились облитые поливалками журналисты – обозленные, решительные и в чем-то забавные.

Лука Росси окинул их сердитым взглядом:

– Не могу поверить, что опустился до такого.

– Мы выполняем задание. Припоминаешь? – спросил Коста.

– Мое задание состоит в том, чтобы прибыть сюда. Я и прибыл. А ты ступай и потолкуй с этой бабой. Она даже взгляда моего не выносит. Может, к тебе будет подобрее.

– Ты что, опять хочешь выпить?

– Ха-ха. Кажется, тут вертится знакомый мне писака. В прошлом он бывал мне полезен. Надо с ним поговорить. Иногда репортерам известны такие подробности, которые нам и не снились. Лады?

Коста пожал плечами. Он не был уверен, что Росси до конца с ним откровенен. При обыске в квартире Ринальди старший выглядел озабоченным, даже расстроенным, а ведь не сказал ничего особенного.

– Иди, если хочешь.

– Потом вернусь в контору. За меня не беспокойся. Поговорим за ужином.

Коста всей душой желал избежать намеченного меропри-

ятия:

– Она от тебя тащится, дядя Лука. Другого мнения быть просто не может. Я вам буду только мешать.

Похоже, толстяк обиделся, сочтя, что Коста намекает на внешность Бешеной Терезы. Между тем многие мужики в ее возрасте выглядели куда хуже.

– Я просто не хочу привлекать к себе ее внимание. Я молод, строен, симпатичен и все такое прочее.

Росси широкой ладонью шутливо потрепал напарника по щеке, впрочем, не слишком нежно:

– Запоминай. Тестаккио. Улица Калигулы, тринадцать. Ресторан Альберони. Восемь вечера. Не опаздывай. Я плачу.

– Годится.

Росси врезался в толпу, на ходу обменявшись взглядами с одним из журналистов, который Косте показался знакомым. Вскоре оба исчезли за углом. Может, у них и впрямь было о чем потолковать. Хотя вряд ли истинная причина ухода Луки заключалась именно в этом. Фальконе говорил о необходимости отыскать самое простое объяснение. Так вот, толстяк просто не хотел видеть Сару Фарнезе.

Но, попав в ее квартиру, Ник усомнился в правильности своего предположения. На Саре были темно-красная хлопковая рубашка и джинсы модной линялой голубизны. На сей раз волосы она убрала в пучок. Умные, широко распахнутые зеленые глаза слегка искрились, что поразило Ника. Она передвигалась по комнате легко, с выверенной грацией, словно

заранее все обдумала и контролировала ситуацию.

Квартира была отделана и обставлена с большим вкусом, который отвечал представлениям Ника о зажиточном среднем классе: стильная деревянная мебель, полированный обеденный стол в центре и огромное количество картин на стенах – пейзажи, средневековые портреты и даже несколько абстракций, которые тонко сочетались с ними. Стены, словно в пятизвездочной гостинице, были оклеены плотными бумажными обоями с объемным рисунком. И конечно, книги – десятки полок, забитых разноцветными томами в твердых обложках или кожаных переплетах. Телевизора Ник не приметил, но углядел очень дорогой музыкальный центр и рядом с ним большой стеллаж компакт-дисков с классическими произведениями. Пока увиденное не слишком вязалось с его представлением о Саре Фарнезе. Джинсы из бутика, да и весь завораживающий облик этой женщины с таинственно-лучистым взглядом плохо сочетались с обстановкой, которая больше пристала богатой старой деве.

Он кивнул на окна, под которыми галдела невидимая толпа:

– Существуют специальные законы о защите личности от беспокойства. Если хотите, вызову наряд муниципальной полиции.

Она присела в изящное кресло с высокой спинкой, на вид не слишком удобное.

– Рано или поздно они разойдутся, верно? Я так и не по-

няла, чего они хотят.

Он-то знал – им нужна ее фотография. Чтобы это привлекательное лицо украсило первые страницы их изданий – дескать, вот та самая дамочка, из-за которой поехала крыша у почтенного профессора.

Он осторожно опустился на мягкий диван, чувствуя себя довольно неловко в изысканной обстановке.

– Они хотят получить вашу фотографию. Вот и все.

– Ну, тогда им долго придется ждать. Я договорилась, чтобы мне доставили продукты из магазина прямо сюда, их принесет консьерж. А в университет я не пойду, пока эта ерунда не прекратится. Если охота, могут разбить здесь лагерь хоть на неделю. Ничего они не получат.

"Легко сказать, – подумал он. – Она еще не знает, как быстро человек теряет самообладание от назойливого внимания и насколько журналистская братия изобретательна".

– Вы так и не сказали мне, как вас зовут.

– Коста. Ник Коста.

– Что вам угодно, синьор Коста?

Он вытащил из кармана блокнот:

– Несколько вопросов. Если не возражаете, разумеется. Основные данные и некоторые личные подробности.

– Прекрасно.

Базовую информацию о себе Сара Фарнезе изложила за пять минут. Оказывается, они ровесники (он думал, она немного моложе). У нее двойное гражданство – Италии и

Великобритании – благодаря национальности покойных родителей. Работает она в университете в должности профессора средней категории. Ее интимная связь с Ринальди закончилась несколько месяцев назад. Насколько она помнит, в его присутствии она никогда не упоминала о скором приезде в Рим Хью Фэрчайлда, хотя это и не исключено. О проблемах Стефано Ринальди с деньгами и наркотиками понятия не имеет и, похоже, не врет.

Она по памяти процитировала источник зловещего высказывания по поводу крови мучеников и выразила недоумение, каким образом оно связано со случившимся. Коста зачитал ей полный вариант дурацкого стихотворения о Сан-Айвсе.

– Так это загадка? – удивилась она.

– Наверное, для решения вам понадобится калькулятор.

– Это еще зачем? Ответ и так очевиден: в Сан-Айвс идет лишь один человек, тот, что сочинил загадку. Остальные идут в противоположном направлении.

Ему стало ясно, почему Росси в ее присутствии теряется. Она слишком умна, слишком рассудительна, слишком хладнокровна. Любой, наверное, рядом с ней чувствует себя маленьким и глупеньким, причем без всяких усилий с ее стороны унизить, оскорбить. Она помимо своей воли отталкивает людей. Над ней словно витает облако одиночества, особенно заметное в этой стерильной, изощренно украшенной квартире, которую и жилищем-то трудно назвать.

– Профессор Ринальди знал кого-нибудь из Ватикана?

– Там у него был практически тот же круг знакомых, что и у всех нас. В основном академические связи. Прежде всего чиновники, контролирующие доступ в библиотеку.

– Но чтобы попасть туда, нужен специальный пропуск, не так ли? Ведь только в этом случае вас пропустят как частное лицо и вам не придется стоять в очереди с туристами?

Она открыла дорогую кожаную сумку голубого цвета, лежавшую на соседнем стуле и выглядевшую, как и все в этой комнате, слишком солидно для молодой женщины. Порывшись в ней, Сара Фарнезе достала ламинированную карточку, на которой были ее имя и фотография.

– Разумеется. В их библиотеке огромное количество уникальных источников периода раннего христианства. Поэтому я и переехала в Рим.

Коста пригляделся к пропуску.

– Но этот документ дает доступ на всю территорию Ватикана, а не только в библиотеку.

– Иногда, – ответила она после небольшой паузы, – бывает нужно ознакомиться с объектами, расположенными в разных местах.

У него не было ни одного знакомого, не считая ватиканских служащих, с подобным пропуском.

– И у Стефано была такая карточка?

– Не думаю. Ему каждый раз приходилось стоять в очереди. Может, из-за этого и случился такой переполох, когда

он вчера ворвался в читальню. Будь у него пропуск, никаких проблем не возникло бы.

"Тут что-то не так, – подумал Коста. – Она работает в университете каких-то три года и уже обладает столь ценным документом, а Ринальди, проведший на том же факультете более двадцати лет, каждый раз, чтобы посетить Ватикан, вынужден томиться в толпе туристов".

– А почему он не оформил такой пропуск? Ведь это очень удобно.

– Сама не знаю, прошу прощения. Мы работали на одном факультете, но на разных курсах. Может, просто ему было не очень нужно. Многие материалы в наши дни можно получить через компьютер – по Интернету или электронной почтой. Лично я предпочитаю иметь дело с первоисточниками – им как-то больше доверяешь, а он...

– Почему же он считал по-другому?

– Я уже сказала вам, – произнесла она с легким раздражением, – не знаю. У меня был слишком короткий роман с этим человеком, я не успела изучить его досконально.

А вот покойный Стефано Ринальди, похоже, успел, если решился совершить на ее глазах фактическое самоубийство, чтобы принудить к определенным действиям. Каким? Может, он хотел обменять смерть жены на смерть нового любовника Сары?

– Синьорина Фарнезе, вчера вы упоминали, что Стефано Ринальди говорил с вами двумя разными голосами.

Судя по ее задумчивому лицу, она уже почти забыла о своих словах.

– Да, именно так. Цитируя Тертуллиана, он говорил очень четко и размеренно – чтобы слышали все присутствующие. И намеренно громко. – Тут она снова задумалась, словно восстанавливала в памяти картину происшествия. – А вот о Мэри он говорил намного тише. По сути, это уже была простая беседа.

Коста попытался сообразить, что бы это могло означать.

– А в читальне, кроме вас двоих, был еще кто-нибудь? Не считая охранника, застрелившего профессора?

– Да, какие-то абсолютно посторонние люди.

– Но если он намеренно говорил громко, а затем резко понизил тон, то этому должна быть какая-то причина. Например, за ним следил человек, которому предназначалась первая часть речи, но который не должен был слышать вторую. Пожалуйста, подумайте хорошенько – такое принципиально возможно?

Она нахмурилась:

– Прошу извинить меня. Главное, что я запомнила – как он туда ворвался и как дважды процитировал Тертуллиана...

Ник Коста подумал об огромных суммах, которые Ватикан тратит на систему охраны, и почувствовал непреодолимое желание снова побывать в читальне.

– Понимаю. Прошу прощения. Наверное, мои вопросы вам кажутся глупыми.

– Вовсе нет. Они кажутся мне очень разумными. И в подобных обстоятельствах вполне уместными. Мне искренно хочется помочь вам, но – увы.

Росси был все-таки прав. Рядом с ней и Ник испытывал неловкость. Сара Фарнезе была одновременно самоуверенна и застенчива. Чем больше на нее давили, тем сильнее она замыкалась в себе.

Сунув блокнот в карман, он встал, чтобы попрощаться.

– А как насчет кофе, синьор Коста?

– Спасибо, – ответил он, улыбнувшись. – Но мне надо идти.

– Может, в другой раз?

– Надеюсь, к завтрашнему дню мы все это разгребем. И новой беседы не понадобится.

Он еще раз кивнул на зашторенные окна и протянул ей свою визитную карточку, дописав на обороте номера домашнего и мобильного телефонов.

– Помните, что я говорил о праве личности на защиту от постороннего вмешательства. Звоните в любое время, и я свяжусь, с кем нужно.

Она заглянула в карточку и положила в сумку:

– Благодарю. Буду иметь в виду.

– Вот и отлично. Да, вот еще что... – Это был старый полицейский трюк, но нередко он срабатывал, и довольно неплохо. – Чуть не забыл. Вы, случайно, не знакомы с кардиналом Денни из Ватикана?

Она отрицательно покачала головой и осветилась такой широкой улыбкой, о возможности которой Коста до этого момента и не подозревал:

– Извините. Никогда не слышала этого имени.

– Ничего страшного.

Сара Фарнезе осторожно отодвинула штору.

– Вы уверены, что вам не хочется ненадолго выйти из дома? – поинтересовался Коста. – Хотя бы прогуляться. Ведь не будете же вы здесь торчать всю жизнь.

Сразу помрачнев, она ответила:

– Прямо сейчас я не могу на это отважиться.

Бросив на нее быстрый взгляд, он предложил:

– А что, если...

11

Десять минут спустя дверь жилого дома на Виколо делле Паллине распахнулась, и толпа ахнула от неожиданности. Из подъезда выскочила фигура в длинном плаще с высоко поднятым воротником. Лицо закрывали очки с огромными темными стеклами, голова была плотно замотана платком. Фигура рванула прочь от леса направленных в ее сторону микрофонов и, не произнеся ни слова, быстро зашагала по улице. Но далеко уйти ей не удалось. Засверкали вспышки фотокамер. Опомнившиеся репортеры окружили свою жертву и принялись яростно орудовать коленями и локтями, чтобы занять позицию повыгоднее. Журналист какого-то бульварного журнала охнул и согнулся пополам, получив болезненный удар под ребра. Другой, которого попытались оттеснить назад, громко заорал и грязно выругался. Некий верзила набросился с кулаками на телеоператора, пробивавшегося с камерой к центру событий. Стройная фигура в плаще и темных очках молча продиралась сквозь шевелящуюся возбужденную массу. Наконец она преодолела последний барьер в виде частокола человеческих тел и выбралась на свободное пространство. Шум толпы немного стих – такого поворота репортеры не ожидали. Как правило, жертва преследования сдавалась. Позволяла себя фотографировать, произносила несколько слов. На их памяти еще никогда корреспондент-

ская братия не терпела столь явного и сокрушительного поражения.

Воспользовавшись их временной растерянностью, фигура в плаще перешла на бег. Руки работали слаженно, как рычаги механического насоса, а ноги мощно отталкивались от мостовой. На глазах у ошарашенных репортеров личность, встречи с которой они добивались чуть не полдня, неуклонно удалялась вниз по Иль Пасетте в сторону оживленных туристских маршрутов, чтобы бесследно исчезнуть. Журналистам не осталось ничего иного, как ринуться вдогонку.

Стая издала злобный клекот и бросилась за убегавшим в плаще, не слишком задумываясь, какое производит впечатление. У киоска с мороженым на Виа ди Корридори репортеры почти настигли свою жертву, но та прибавила скорости и снова оторвалась от них. У пешеходного перехода на площади Пия им повезло: загорелся красный свет. Проезжая часть была до отказа забита непрерывно сигналящими машинами, водители остервенело орали друг на друга. Непрерывно движущаяся лента бездушных металлических монстров перегородила путь бедной беглянке.

Обернувшись, плотно задрапированный человек увидел приближающихся стервятников. Те явно задыхались от непривычного спринта, но твердо намеревались компенсировать свои мучения за счет добычи нужной информации. Теперь они уж точно не оставят ее в покое и будут пытать расспросами до тех пор, пока не добудут "горячие" факты.

Пускай эта любезная объяснит, как получилось, что в один день из-за нее погибли сразу три человека, и один из них вообще убит изуверским способом.

Самый резвый и наглый репортер положил ей руку на плечо. Роковая ошибка! Получив молниеносный удар по печени, он в глубоком обмороке осел на тротуар.

Закутанный в плащ человек окинул взглядом площадь, до отказа забитую ревущими автомобилями, чьи перегретые двигатели отравляли ядовитыми выхлопами и без того душный сорокаградусный воздух, затем убедился, что стая журналистов совсем близко, и ступил на проезжую часть. Увернувшись от капота "лексуса", он помчался вперед, ловко лавируя между машинами.

Журналисты наблюдали за происходящим с немым удивлением – они окончательно выбились из сил. Фотографы даже не могли поднять камеры. Но некоторые телеоператоры все-таки предпринимали отчаянные попытки зафиксировать ситуацию. В объективы они наблюдали за тем, как фигура в плаще, будто профессиональный слаломист, уверенно продвигается по площади.

Спустя несколько секунд женщина – которая, по их данным, была тихим университетским профессором, но никак не атлетом – оказалась на противоположном тротуаре. Не останавливаясь, она обогнула приземистый замок Кастель Сант-Анджело и вполне профессионально продолжила бег – согнутые в локтях руки работали с прежней ритмичностью,

ноги упруго отталкивались от асфальта, а длинные полы плаща красиво развевались на ветру.

Через пять минут фигура поравнялась с сидевшей на набережной Тибра, недалеко от моста Кавур, беженкой из Косова. Это была худая юная женщина, на руках она держала десятимесячного ребенка, рядом стояло их импровизированное жилище – палатка из ветхого тряпья и картонных коробок. И без того испуганное лицо окаменело, когда женщина увидела несущегося прямо на нее мужчину в дамском плаще. Изобразив широкую улыбку, тот резко притормозил.

Прижав ребенка к груди, женщина юркнула в самодельную палатку, хотя сразу сообразила, что это не коп, который может прогнать ее с набережной. Ведь полицейские пока не носят дамскую одежду. И не улыбаются так приятно, как по-настоящему счастливые люди.

Мужчина опустился тяжело дыша на корточки и заглянул в палатку. Быстро сняв плащ, платок и дорогие на вид темные очки, он протянул их молодой матери:

– Возьми, пригодится.

Женщина молча кивнула.

Мужчина вытащил из кармана банкноту в пятьдесят евро и тоже предложил ей. Это были большие для нее деньги, и она спросила на ломаном итальянском:

– Чего ты хочешь? Я не...

– Не беспокойся. Это наша семейная традиция. Отец велел мне дважды в день помогать кому-нибудь, – объяснил

мужчина доброжелательным тоном. – Надеюсь, в один прекрасный день и мне кто-нибудь поможет.

Малыш зажал деньги в ладошке. Это было больше, чем мать зарабатывала за две недели.

– Как много... – сказала она.

– Я же говорю, дважды в день. А этим утром я был занят и пропустил. Тебе повезло, ты получаешь двойную порцию.

Ее лицо скривилось в нервной улыбке.

– Я люблю, когда мне везет.

Ник попытался прикинуть, сколько ей лет. Пожалуй, не больше семнадцати.

– Только обещай мне кое-что сделать, – сказал он и черкнул пару строк на листке из блокнота.

– Что именно? – Она взяла клочок бумаги.

– Ты должна пойти по этому адресу. Там расположен приют, где тебе помогут.

– Ладно, – тихо согласилась она, но без видимой охоты.

– Я не часто гуляю по этому маршруту, – добавил Ник. – Поэтому не потеряй адрес.

Он выпрямился и спокойным шагом двинулся в сторону Ватикана. Он поднимался по каменным ступенькам моста когда зазвонил мобильный телефон.

– Теперь я ваша должница, синьор Коста, – раздался в трубке голос Сары Фарнезе. Судя по безмятежному тону, ее оставило напряжение.

– Меня зовут Ник. Всегда к вашим услугам. Должен изви-

ниться, я потерял наш плащ и другие вещи.

Женщина рассмеялась. В первый раз он услышал, как она чему-то радуется. Похоже, такой и была настоящая Сара Фарнезе, а вовсе не той холодной, неприступной особой, которой хотела казаться.

– За такой спектакль не жалко потерять и в десять раз больше. Было забавно смотреть, как они бросились в погоню за вами... Ник.

– Итак, вы свободны?

В трубке повисло молчание. Наверное, она задумалась, почему Ник спросил – по службе или по дружбе. Ник Коста и сам точно не знал, хотя его действительно интересовало, что она собирается предпринять. Он даже обругал себя за невольное пожелание: пусть дела сложатся таким образом, чтобы ему пришлось ее сопровождать.

Но Сара лишь обронила на прощание:

– Звоните, Ник. Если понадобится.

12

Мужчина в мешковатом черном костюме, темных очках и кожаных перчатках был средних лет и выглядел весьма мускулистым даже в одежде, слишком теплой для такой погоды. Говорил он с довольно странным акцентом. Галло, несмотря на приличный жизненный опыт, терялся в догадках: откуда он родом, из Сицилии? Впрочем, не важно. Всем своим поведением человек в черном ясно давал понять: от тебя требуется одно – хорошо выполнить работу и отвалить.

Машина в окружении сестер по несчастью ползла по магистрали, ведущей к аэропорту Леонардо да Винчи ди Фьюмичино и далее на побережье. Из автомагнитолы текли расслабляющие звуки джаза: приглушенно стонущий саксофон знаменитого Уэйна Шортера. Галло неплохо знал Остию. Он не раз водил экскурсии по району старого порта и античным развалинам.

– Кто они такие? – спросил он мужчину в черном.

– О ком это ты? – буркнул тот.

– Ну, люди, которых я буду развлекать.

– Приезжие профессора из колледжа. По специальности не археологи, но проявляют интерес. Надеюсь, вы разбираетесь в том, о чем будете им рассказывать?

– Естественно.

Неожиданно машина свернула с шоссе – причем, на

взгляд Галло, слишком рано.

– Мы ведь собирались в город, не так ли?

– Да, только чуток погодя. Тут есть одна река. Много веков назад в результате наводнения она отделилась от главного потока. Фьюме Морто[2] – знаешь?

– Нет. – У Галло испортилось настроение. Эти мертвые реки обычно привлекают только отпетых диггеров. Сплошная грязь и тучи комарья. – Надо было заранее предупредить.

На него уставились темные стекла очков:

– А я слышал, вы толковый малый. Но за дополнительное неудобство я готов прибавить. Да и какая вам разница? Банальное туристическое шоу, много времени не займет. После мы сразу двинем в город. А там уж вы включите автопилот, точно?

– Угу, все вроде так, – откликнулся Галло, рассматривая плоскую долину унылой дельты Тибра. От безжизненной болотистой почвы так сильно несло химикатами, что у него запершило в горле. На дороге перед ними было пусто – ни повозки, ни машины, ни мотороллера. Взглянув на соседа, Галло еще раз удивился черным перчаткам. При такой-то жаре!

– А ты что-нибудь слышал о Тертуллиане?

Галло коротко хохотнул:

– Да уж! Душевный был парнишка, полный радости и света. Взять хотя бы его отношение к бабам, которых он назы-

---

[2] Фьюме Морто (ит.) – Мертвая река.

вай ianua diaboli, или в переводе с латыни "вратами в ад" Думаю, феминистки от его слов просто свирепеют. Забавный был старикан.

Мужчина долго смотрел на Галло, и тот ощутил холод неподвижного взгляда, хотя и не мог увидеть глаза за темными стеклами очков.

– Я имел в виду другое высказывание.

– Какое именно?

– "Кровь мучеников питает древо церкви".

Галло в удивлении поднял брови. Похоже, его работодатель не так стар, как показалось сначала. По крайней мере движения у него были не менее легкими, чем у самого Джея Галло.

"Вот чертов туристический бизнес! – подумал Джей. – Но все-таки способ подработать". Упоминание о Тертуллиане направило его мысли в научно-историческое русло. Ему представилась редкая возможность блеснуть эрудицией перед знающим собеседником.

– Ох уж эти мне ранние христиане! Знаете, что меня больше всего удивляет? Из-за чего люди пошли за этой идеей? В чем главная причина? – выступил он для затравки.

– Вы имеете в виду, зачем Тертуллиан призывал людей к мученичеству?

– Да нет же! Почему сосунки-неофиты вообще приняли его слова всерьез? С какой стати они соглашались умирать за какую-то... идею?

Водитель задумался.

– А вы видели картину Караваджо в церкви Санта-Мария дель Пополо? "Распятие святого Петра"?

– Ага.

Галло знал этот храм как свои пять пальцев. Это была настоящая, пусть и небольшая, жемчужина среди римских культурно-исторических сокровищ. Часовня, расписанная Рафаэлем по заказу знаменитого рода Борджиа, была удачно расположена неподалеку от Корсо – улицы, где традиционно торгуют аляповатыми сувенирами, которые так любят туристы.

В памяти Галло мгновенно всплыло огромное полотно с изображением святого. Орудие казни удерживают трое ражих мужичков. Скорее всего их наняли в ближайшей таверне. А Петр пристально рассматривает свою левую ладонь, уже прибитую к кресту. Взгляд исполнен решимости и непостижимой для Галло гордости.

– Эта картина все объясняет очень наглядно. Палачи думают, будто казнят Петра, причем весьма жестоким способом. На самом деле чем выше они вздымают крест с мучеником, тем сильнее укрепляют церковные основы и возвышают христианскую идею. Петр это отлично понимает.

Галло лениво махнул рукой:

– Да, да. Он именно такой мученик...

– Более того, – продолжил мужчина в черном, – он купается в Божественном милосердии, буквально затапливающим

все вокруг, включая его мучителей. Он умирает добровольно и по-настоящему счастлив, поскольку твердо верит, что его ждет вечная жизнь в Раю. Именно к такому преображению он жадно стремится. Он знает, что попадет на Небеса.

– Бред какой-то... – пробормотал Галло, тряхнув головой.

Темные очки уставились в пустоту перед собой.

Улыбнувшись, Галло вспомнил другую работу Караваджо. Историю, связанную с ней, особенно тепло принимали американцы.

– Тем не менее сам художник в эту чушь не верил. Вспомните, он придал свои черты отрубленной голове Голиафа, узнав, что его приговорили к смертной казни за убийство человека во время – вообразите, дружище, – игры в теннис. Он написал этот автопортрет, чтобы умилостивить папу римского и заслужить прощение. У него имелись веские причины не рассчитывать на спасение души. Он был уверен, что его ждут лишь могила и забвение.

– А вы образованный человек, – признал шофер, к полному удовлетворению Галло. – И что же дальше случилось с Караваджо?

– Его простили. Но очень скоро, возвращаясь из Рима домой, он умер. Вот такая ирония судьбы.

– Может, и так. Звучит правдоподобно. Вероятно, таким путем его настигло заслуженное возмездие.

Но Джей Галло уже не слушал.

– А вот вам еще одна гримаса судьбы. Тертуллиан никогда

и не думал следовать собственному призыву. Он спокойно умер в своей постели, дожив до ста двух лет. В общем оказался законченным лицемером. – Вспомнив о ватиканских номерах на их машине, он поспешно добавил: – Разумеется, это не единственная чертовщина, которой так богата любая религия.

– Ты имеешь в виду историю Церкви?

– Да.

Они остановились на болотистом берегу Тибра, несущего в океан мутные ядовитые воды. Вокруг не было ни души. Вообще ничего не было. Все достойные посещения места находились километрах в двух отсюда. Галло вдруг захотелось попасть в какой-нибудь кабачок и выпить кружку пива, рюмку граппы или на худой конец чашку кофе. Его тошнило от вонючих химикатов, незримым облаком висевших в воздухе.

– Они скоро подойдут, – сказал мужчина в черном, словно прочитав сто мысли.

Джазовый альбом подошел к концу. Нажав кнопку, он извлек из проигрывателя компакт-диск и аккуратно поместил в специальный стеллаж рядом с приборной доской. Тщательность, с которой он это делал, показалась Галло неестественной – похоже, машина ему не принадлежала.

– Продолжим дискуссию, не возражаете? – предложил темный сосед. – Насчет Караваджо, полагаю, вы правы. У него были вполне реальные причины для страха. Тем не менее нельзя исключать, что он, или Тертуллиан, или любой из

нас – вы или я – являются всего лишь проводниками Божьей воли. Вам не кажется, что так думает любой человек, даже неверующий?

– Вы это серьезно?

– Уж не находите ли вы, что Всевышний использует в качестве инструментов только тех, кто в него верит? А как насчет Пилата? Или Ирода?

Галло почувствовал тревогу. Что-то во всем этом было странное. Вонючая дельта Тибра, пустынный берег, неизвестный бизнесмен, смахивающий на проповедника, туристическая группа, которая хотела посмотреть... Что именно? Поблизости, в радиусе нескольких километров, не было ни одного стоящего археологического объекта. Может, этой компании просто захотелось под прикрытием культурного мероприятия немного оттянуться и выпить на природе? Так сказать, "послушать птичек"? Размять мускулы?

Галло с подозрением взглянул на незнакомца. Тот вполне соответствовал последнему предположению, поскольку, несмотря на небольшой рост, был крепко сбит и подтянут, как профессиональный боксер. За постгарвардские годы у Галло накопился приличный опыт участия в кабацких разборках, и он знал, как себя вести в подобных случаях.

– Уж не дурачите ли вы меня? – спросил он типа в темных очках.

– Синьор Галло?

– Решили подшутить?

Мужчина на мгновение задумался.

– "Кровь мучеников..." Неужели это похоже на шутку?

Но Галло уже потерял терпение: этот человек начал его откровенно раздражать.

– Кончай нести чушь. Какие, на хрен, му...

И тут ему в глаз врезался черный и твердый, как сталь, кулак. Голова Джея запрокинулась, а зрение почти померкло – в сплошной черноте остались лишь узкие щелочки. Странно, но боли практически не чувствовалось, не было и других особых ощущений. Сквозь щелочки зрачков он разглядел, что к нему устремился новый кожаный снаряд, на этот раз угодивший точно в кос. Раздался противный хруст сломанной переносицы, и рот заполнили теплые солоноватые струйки крови.

13

Из резиденции кардинала Майкла Денни открывался великолепный вид на Кортиле ди Сан-Дамаско, квартал частных владений, надежно спрятанных от посторонних взоров за высокой западной стеной площади Святого Петра. Ватикан никогда не предназначался для постоянного проживания, и таких квартир, как у Денни, в папском дворце было не более двухсот. На противоположной стороне площади располагался штаб швейцарских гвардейцев.

Из окон резиденций ватиканских чиновников открывался великолепный вид на архитектурный ландшафт. В число соседей кардинала входили самые знатные фигуры католической церкви. Так, рядом проживал папский камердинер, отвечавший за внутренний распорядок жизни понтифика. Впрочем, последние дни они редко вступали в разговор: Денни прекрасно понимал, что стал персоной нон грата – пленником в золоченой клетке. Иногда он проводил целые часы, с тревогой наблюдая за бликами муранских светильников в огромных зеркалах из позолоченной бронзы, ожидая неминуемого ареста. Он понимал, что со временем ситуация изменится, но от непрестанного ожидания можно было сойти с ума.

И сейчас в его квартире с высокими окнами в стиле восемнадцатого века вокруг старинного обеденного стола из оре-

хового дерева собрались предвестники вожделенных изменений. Ему пришлось потратить много недель и даже месяцев, чтобы заставить трех весьма почтенных джентльменов приехать к нему в Рим для обсуждения важного предложения. Гости представляли триединство интересов, которое – при должной настойчивости и умелой подаче информации – способно вернуть часть утерянных активов банка "Ломбардия", а заодно и восстановить репутацию самого Майкла Денни. Это, надеялся кардинал, позволит ему безбедно провести оставшиеся годы на родине.

Ему казалось, что двоих удастся уговорить без особого труда. У Роберта Атчисона, американского адвоката с кислой физиономией, активно участвовавшего в незаконных банковских операциях на Багамах, хватало причин для принятия предложения. Агенты ФБР уже висели у него на хвосте, подозревая в причастности к отмывке средств, предназначавшихся на проведение теракта в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года.

В одной лодке с Атчисоном шел ко дну и Артуро Креспи, подписывавший разрешения на передвижение солидных банковских капиталов. Именно эти операции подорвали устойчивость банка "Ломбардия". Не мудрено, что у министерства финансов была к Креспи уйма вопросов. Ведь это он занимал пост президента банка, а не кардинал Денни, организовавший мощную разветвленную сеть незаконных оффшорных вкладов. Несмотря на скандал, слабоволь-

ный Креспи по-прежнему пользовался большим уважением в деловых кругах. Официально его обвиняли в недостаточно высоких доходах от вложенного капитала, что в целом считалось незначительной провинностью. Когда кардинал и иже с ним только задумывали свое дело, такой вариант ими предусматривался как самый приемлемый.

Третий приглашенный стоял у окна, изучая внутренний двор и вдыхая теплый, хотя было раннее утро, летний воздух. Эмилио Нери имел рост выше среднего и в шестьдесят пять лет выглядел здоровяком, старость его едва коснулась. Серые глаза казались безжизненными, длинная челюсть выдавалась вперед, ухоженная шевелюра серебрилась. Как всегда, он был облачен в дорогой костюм из тонкого шелка, под мышками пиджака уже начали проступать темные пятна от пота. Нери редко улыбался, а рот открывал лишь в случае необходимости. Эмилио выглядел преуспевающим римским предпринимателем. У него были роскошный особняк на виа Джулия, молоденькая жена, три сельских усадьбы и квартира в Нью-Йорке. Его фамилия красовалась в списке попечительского совета венецианской Фениче-оперы, которой он помогал добывать средства на реконструкцию, а также других благотворительных обществ под крылом католической церкви.

Лишь однажды произошло событие, бросившее тень на его благопристойную репутацию. Это случилось в середине 1970-х годов, когда радикальная пресса, вырвавшаяся из-

под контроля официальных властей и политиков, обрела относительную свободу. Зарвавшийся журналист в полуподпольном издании опубликовал словесный портрет Эмилио Нери, состряпанный главным образом из полицейских домыслов. Читающая публика узнала, что Нери родился на Сицилии в семье местного "крестного отца" и некоторое время занимался рэкетом в сфере проституции и контрабандной торговли сигаретами. Потом он занялся налаживанием связей между коррумпированными властями, ватиканскими чиновниками и главарями преступного мира, который, как и сейчас, процветал за фасадом итальянского государства. Однако ни в каких конкретных преступлениях героя своего очерка автор не уличал. Напротив, он воздавал должное Нери как знатоку и ценителю искусства, подчеркнув что тот посещает все значимые художественные выставки и является завзятым любителем оперы и балета, даже имеет ложу в театре.

А через три недели после публикации статьи журналиста обнаружили на сиденье машины, припаркованной у аэропорта Леонардо да Винчи ди Фьюмичино. У бедняги были выколоты глаза – вернее, выдавлены пальцами – и отрезан язык. На пальцах обеих рук ему отрубили по одной фаланге. Ослепший и немой, он все-таки выжил, но дать какие-либо показания категорически отказался. По слухам, которые в результате расследования, проведенного Денни, полностью подтвердились, это была месть Эмилио Нери, он осуществил

ее самолично на собственном складе, расположенном в районе аэропорта. Сразу после расправы над неосторожным репортером он переоделся в вечерний костюм и на частном самолете отправился в Венецию, где вначале прослушал новую постановку "Турандот" с участием Паваротти, а затем в качестве уважаемого гостя посетил дружескую вечеринку. С той поры все печатные издания писали только о благотворительной деятельности Нери.

Денни неплохо разбирался в человеческой натуре и тем не менее очень удивился, узнав, на какой риск решился его партнер. Ведь Эмилио Нери мог убить человека одним движением ресниц. И сейчас, глядя на широкую спину, заслонившую окно, Денни гадал, о чем гость размышляет. А Нери в данный момент хотел одного: вернуть деньги, когда-то переданные Денни. Если это удастся, между ними возобновятся добрые отношения.

Дверь в комнату распахнулась, и Брендан Ханрахан внес поднос с кофе. Бросив в рот мятную таблетку, Нери воззрился на вошедшего:

– Майкл, они что, лишили тебя элементарной обслуги?

– Да нет, просто решил за вами немного поухаживать, – опередил кардинала Ханрахан. – Ведь это частная встреча, джентльмены. Никто из вас, полагаю, не хочет афишировать свое присутствие здесь.

Нери фыркнул и, бросив последний взгляд на архитектурный ландшафт, обернулся к Денни:

– Меня поражает, что у тебя по-прежнему такой роскошный вид из окна. Похоже, Церковь и в самом деле милосердна.

– Не пора ли перейти к делу, джентльмены? – недовольно проворчал Атчисон. – У меня в десять самолет.

– Согласен, – поддержал его Креспи.

Заняв место за столом напротив низкорослого банкира, Нери ухмыльнулся:

– Ты еще не распорядился убрать из банка того клерка, Креспи? Того, который может заговорить любого до смерти.

Банкир побелел от злости:

– Всем моим людям можно доверять. Могу поручиться за любого.

– Это всего лишь слова, дружище, – процедил Нери сквозь зубы. – Ладно, хватит. Ты знаешь мою позицию. На мне лежит гигантская ответственность. Все прочее – пустые разговоры. Итак, ребята, зачем мы собрались?

– Чтобы выбраться из дыры, – ответил Ханрахан и протянул каждому страничку откопированного текста.

Нери быстро просмотрел бумагу.

– Здесь не сказано, когда я получу назад свои деньги.

– Эмилио, – ответил Денни с любезностью в голосе, – я не волшебник. Мы все хотим вернуть свои деньги. И, сдается мне, сие осуществимо. Но само собой ничего не делается. Придется потрудиться.

Атчисон почти не слушал кардинала, ошарашенно упер-

шись глазами в документ.

– Оказывается, осталась еще куча денег. Почему же мы ничего об этом до сих пор не слышали?

Креспи взмахнул короткими ручонками:

– Мы полтора года занимались процедурой ликвидации. Последовательно. Не спеша. Конфиденциально. Иногда... мы просто не знали, что на наши счета приходили платежи. И не хотели без необходимости возрождать чьи-то надежды. Все не так просто, джентльмены. У нас было огромное количество счетов. В самых разных местах, во всех уголках мира. Их все просто невозможно перечислить, дружище, это скучно и ни к чему. Ведь вас интересует, сколько именно удастся вернуть, а не откуда что возьмется, не так ли? – Он перехватил жесткий взгляд Нери. – Именно этого все хотят. Вот мы здесь и собрались.

Нери, еще раз прочитав документ, поинтересовался:

– А кто, кроме нас, знает об этих деньгах? И где они все-таки лежат?

– За исключением присутствующих, про деньги не знает никто, – ответил Ханрахан, глядя прямо в лицо Нери. – Не хочу вас обидеть, но мы слишком безответственно относились к нашим секретам. А где капиталы находятся...

Оказалось, что порядка трех миллиардов долларов заморожено властями США на основании закона об уклонении от налогов и отмывании денег неизвестного происхождения. Это обстоятельство привело Майкла Денни в бешенство, хо-

тя не сказать, чтобы он бедствовал. Креспи выдвинул смелое предложение ликвидировать основной капитал, а неучтенные фонды перевести на новые счета. Если Атчисон и Нери не против.

– Выходит, мы не совсем нищие, – констатировал Нери. – Я уж испугался, что денежки утекли в канализацию. Так вы говорите, мы можем вернуть шестьдесят, а то и семьдесят миллионов баксов? Каким образом?

– Не стоит забивать этим голову, – хмуро посоветовал Ханрахан.

– Мы очень плотно поработали, – добавил Денни, – и сумели уговорить нужных людей. Это было не так легко сделать, поверьте мне.

Нери фыркнул в ладонь.

– Да, я слышал, Майкл, ты потратил немало бабок. Ведь за последние полгода римские шлюхи подняли расценки чуть не на десять процентов.

– Глупая шутка, Эмилио.

– Неужели ничего не истратил на себя? Скажем, на то, чтобы перебраться отсюда в более безопасное место?

Резко перегнувшись через стол, Денни схватил Нери за руку, тот ответил свирепым взглядом.

– Эмилио, – ласково произнес Денни, – я тружусь в наших общих интересах. Мы сможем продолжить наш бизнес. Для начала привлечем новых людей. По нашей просьбе они побеседуют с банковскими воротилами и уговорят их пойти

на риск. Мы, оставаясь за сценой, будем только нажимать на нужные кнопки. У нас достаточный опыт в подобных делах, из этой ситуации мы выйдем окрепшими. И богатыми, потому что обзаведемся новыми кредиторами. В конце концов я действительно смогу покинуть Ватикан. Поеду на родину, в Америку.

Хитро улыбнувшись, Нери кивнул Атчисону:

– Слыхал? Мы создаем новый банк. И все это обойдется в какие-то шестьдесят – семьдесят миллионов долларов.

– Этого не хватит, сами знаете, – проворчал Атчисон.

Денни уловил в глазах у обоих алчные искорки.

– Но мы пойдем дальше. У нас остались кое-какие связи. А у этих людей тоже есть свои потребности. Банк "Ломбардия" сел на мель не по нашей вине. Мы пали жертвой рыночных отношений и законов, которых раньше не было и в помине. Поэтому сотрем мел с доски, начнем заново и оторвемся от наших преследователей хотя бы на шаг.

Тут Денни сделал паузу, чтобы подготовить адвоката и бизнесмена к эффектному жесту.

– Для раскрутки этого предприятия понадобятся определенные инвестиции и с нашей стороны. Лично я готов положить в общий мешок все, что имею, до последнего цента. А это немалые деньги. Какое участие примет каждый из вас, зависит только от него. Вы сами знаете, джентльмены, как такой бизнес делается. У вас достаточно опыта. Бесценного опыта. И он не пропадет втуне.

Громко рассмеявшись, Нери хлопнул Денни по плечу:

– Так вот ты о чем, Майкл! Предлагаешь продолжить общее дело. Что за выдумщик, что за славный малый!

– Да, продолжить общее дело, – подтвердил Денни.

Зазвонил сотовый телефон. Выслушав сообщение, Ханрахан потемнел лицом и, извинившись, быстро удалился.

– Так что вы обо всем этом думаете? – спросил Денни, глядя в окно, за которым лежал весь мир.

14

Очередь в музей растянулась на добрых пятьдесят метров, хотя до закрытия оставалось не более часа. С помощью полицейского жетона Ник Коста пробрался к кассе, убрал жетон в карман и как рядовой посетитель купил билет. Попав в музей, он без промедления направился в библиотеку, где помахал все тем же жетоном перед носом полусонного служащего и таким образом получил доступ в читальный зал.

Яркие лучи клонившегося к закату солнца густо золотили ряды пустых столов. Лишь на одном столе – через три от того, где вчера сидела Сара Фарнезе, – лежала рукописная книга. На обложке были слова, выведенные средневековым шрифтом. Судя по всему, кто-то оставил книгу, чтобы продолжить работу после выходных. До Ника долетел приглушенный голос. Похоже, служащий очухался и позвонил начальству.

Коста внимательно огляделся. Наверняка читальный зал набит видеокамерами – блестящими зрачками в металлической оправе. И не мудрено: библиотека обладает абсолютно бесценным собранием, и доступ к ее сокровищам имеют лишь счастливые обладатели специального разрешения. Даже университетские сотрудники со стажем, такие как Стефано Ринальди, испытывают большие трудности с оформлением подобного допуска. Очень немногие привилегированные

могут благоговейно подержать в руках раритеты, насладиться их видом, прикоснуться к страницам и вернуть на место. Поэтому меры безопасности беспрецедентны. Документально фиксируются посетители и сотрудники читальни, выдача литературы, процесс чтения; все записывается на пленку день за днем. "И тот, у кого хранятся эти записи, знает, как выглядел Стефано Ринальди перед смертью, как себя вел начиная с появления у входа в библиотеку, который расположен этажом выше", – подумал Ник.

По крайней мере видеопленка могла подсказать, почему Стефано вдруг перешел на шепот после громовых угроз, кого испугался. Традиционный вопрос Фальконе – зачем? Вероятно, Ринальди хотел привлечь Сару к спасению своей жены, но боялся, что некто – находившийся в этой комнате или сидевший у аппаратуры слежения – узнает о его намерении и обязательно помешает. Тут же возникают следующие вопросы. Действительно ли Стефано оставил жену с петлей на шее в церковной башне, понимая, что проще простого соскользнуть со стула и повеситься? Или по дороге от Тибрского острова к Ватикану профессор одумался и решил вызволить супругу из петли с помощью Сары? Начальник не зря сомневался. Элементарные логические построения, позволяющие представить вчерашнее происшествие как обычную кровавую месть, развалились, едва речь заходила о деталях. Единственный же вариант, устранявший всякие несоответствия, вызывал у Косты глубокое беспокойство.

Что, если Ринальди действовал не в одиночку? Что, если размахивать пистолетом в Ватиканской библиотеке его заставил человек, который заманил в башню сначала Стефано, а потом Мэри и беднягу Фэрчайлда? Неизвестный мог убить англичанина и пригрозить профессору, что повесит его жену, если тот не доставит в башню Сару Фарнезе. Именно неизвестный мог ободрать Фэрчайлда и отдать кожу Ринальди с приказом вывалить страшный груз на стол перед Сарой, сопроводив это безумными словами. Он был уверен, что охранники примут профессора за маньяка и пулей заткнут ему рот. Так никто и не узнает об истинном виновнике происшествия.

И еще одна идея крутилась в голове полицейского. Кто-то в Ватикане, точнее, в библиотеке – как догадывался сам Ринальди, – должен был проконтролировать исполнение оговоренных условий. Этот кто-то либо являлся библиотечным работником, либо имел отношение к службе безопасности. Видеозапись, несомненно, содержит ключ к отгадке.

Ник Коста почувствовал у себя на плече мощную длань и, обернувшись, увидел холодный неподвижный взгляд Ханрахана, одетого в тот же черный костюм с распятием в петлице, что и вчера.

Коста приветливо улыбнулся. Ему стало интересно, что за человек стоит перед ним, отрезая путь к выходу, но без особой злости – скорее с усталым удивлением.

– Это начинает надоедать, – медленно произнес Ханра-

хан. – Разве вы не знаете о протоколах, регулирующих отношения Ватикана и муниципальных властей?

Низкий хрипловатый голос показался Нику знакомым. И он вспомнил. Одно время он играл в регби (пока не решил, что для его профессии полезнее заняться бегом). Его тренировал ирландец, говоривший точно с такой же хрипотцой.

– Похоже, я забыл вам представиться. – Коста достал из кармана бумажник, нашел визитную карточку и протянут Ханрахану. Затем показал пальцем на переломанный нос собеседника. – Сдается мне, я знаю, где вы это заработали. Вы долго играли в регби, не так ли?

Прочитав визитку, Ханрахан сунул ее в карман.

– Это в молодости. Тогда я думал, будто ничто в мире не может мне повредить.

– Мне тоже довелось немного поиграть.

Ханрахан окинул его скептическим взглядом.

– Крайним полузащитником, – добавил Коста. – Получалось не так уж плохо, только я решил уйти.

– А Фальконе говорил мне, что вы бегун. И вроде талантливый.

Коста кивнул.

– Точнее, – продолжил ирландец, – он сказал, что это ваш единственный талант.

– Вполне в его стиле.

– Вас легко представить на гаревой дорожке, синьор Коста. Уверен, бегаете вы отлично. Но иногда бывает необходи-

мо остановиться и вступить в драку. Как у вас с этим делом?

Коста рассмеялся:

– Да не очень, если честно. Все зависит от весовой категории противника.

– Отнюдь не все, – возразил Ханрахан. – Итак, что вам здесь нужно?

Коста кивнул на потолок:

– Пленка. У вас должна быть видеозапись покойного профессора с момента его появления в библиотеке. Мне бы хотелось взглянуть.

Ханрахан озадаченно тряхнул головой:

– Кем вы себя воображаете?

– Простым полицейским, который пытается разобраться в причине гибели троих людей. А вы кем себя считаете?

Ханрахан подумал и выудил из кармана собственную визитку:

– Я консультант, синьор Коста. По вопросам охраны и безопасности. В мои полномочия не входит выдача видеозаписей.

– Тогда проводите меня к тому, у кого есть такое право.

– С какой стати?

Коста начал терять терпение:

– А не кажется ли вам, синьор Ханрахан, что ваш прямой долг – помочь нам в раскрытии преступления? Вчера погибли сразу три человека. Мне известно, что ни у кого из них не было ватиканского гражданства, хотя это ничего не меняет.

Ирландец досадливо махнул рукой:

– Не подкидывай мне свое дерьмо, сынок. В моем лице ты имеешь дело с другим государством. Полиция тут ни при чем. Это вопрос дипломатии. – Водянистые глазки превратились в злые узкие щелочки. – Ну а если я поговорю с человеком, который может дать тебе эту пленку, что мы получим взамен?

Ник хорошо знал, что посоветовал бы ему Лука Росси, окажись поблизости. Никогда не связывайся с подобными людьми. Даже и не помышляй о заключении с ними соглашений, поскольку они способны прекратить твое расследование как раз в тот момент, когда для тебя станет слишком поздно.

Но напарник был в другом месте, а вся нужная Нику информация была сосредоточена именно здесь, в этой крохотной стране, которая волею судеб располагалась за высокими стенами в самом сердце Рима. И если прямо сейчас не удастся сдвинуть дело с мертвой точки, оно так и заглохнет навсегда.

Внутренний голос тихо, но настойчиво внушал Нику, что шансы на успех есть. Если камень брошен в пруд, то круги по воде обязательно пойдут.

Ник Коста достал блокнот, написал на листке телефонный номер, который нашел сегодня утром в компьютере Стефано Ринальди, и показал Ханрахану.

– Кто-то звонил Ринальди из канцелярии кардинала Ден-

ни. Всего за день до вчерашней трагедии.

Ханрахан изобразил искреннее удивление:

– И зачем же?

– Вероятно, придется спросить у самого кардинала.

Реакция Ханрахана оказалась неожиданной: он от души раскатисто расхохотался, на глазах выступили слезы.

Поуспокоившись, ирландец сильно хлопнул полицейского по плечу:

– Забавный вы все-таки человек, синьор Коста. Пожалуй, я не стану звонить Фальконе. По крайней мере сегодня! Но позвольте дать вам совет.

– Что за совет?

– Убирайтесь-ка отсюда к вашей матери. А разрешение на выдачу видеопленки добывайте как хотите. Нам обоим известно, что здесь произошло. Обычная семейная трагедия с участием спятившего профессора и его бывшей любовницы – распущенной смазливой бабенки. Так что не стоит, приятель, зря перекатывать камни. Иначе вас покусают маленькие злобные твари, которые под ними прячутся.

15

– Ты спрашиваешь, что я думаю? Эх, Майкл, Майкл. – Нери никак не мог пересилить смех, то и дело хлопая Денни по плечу. – Ты здорово все придумал, кардинал. Но с чего ты решил, что сумеешь найти хорошего банкира?

– От меня требуется именно это, – резко ответил кардинал Денни. – Я знаю свои обязанности.

Улыбка с широкой физиономии Нери внезапно исчезла.

– А я знаю свои. Неужели ты думаешь, что эти деньги, затерявшиеся золотые осколки, такая уж новость для меня?

Изумленный Денни бросил сердитый взгляд на Креспи.

– Я ничего ему не говорил, – пробормотал мгновенно покрасневший коротышка банкир. – Он сам откуда-то узнал.

– Мне врать незачем, – огрызнулся Нери. – Я слишком богат, чтобы врать. Из вашего Ватикана информация утекает, словно через решето. Твои секреты, Майкл, я узнал еще несколько недель назад. У меня было время поразмыслить над твоей идеей. Хорошенько подумать. И переговорить со своими партнерами. То, что я скажу сейчас, тебя огорчит, но я должен это сказать.

Дверь отворилась, в комнату с извинениями шагнул Ханрахан. На лице кардинала он заметил плохо скрытое отчаяние. Все шло прахом. Нери, оказывается, все знал заранее. События вышли из-под его контроля.

– Лично для меня выбор очевиден, – продолжил Нери. – Или я теряю друзей, или упускаю удачу. Рискнуть крупной суммой ради добрых старых времен или удовлетвориться тем, что есть, и сказать спасибо?

– Там остались жалкие крохи, – желчно бросил Денни. – Особенно по сравнению с тем, что можно заработать, если снова объединить наши усилия. Вам в подобном случае нужен банк, Эмилио. Без него вам не прожить.

Нери махнул рукой перед лицом кардинала:

– Банки, банки. Ты живешь прошлым, Майкл. Эти мелкие тайные корпорации, которые прежде всего обслуживают интересы хитрожопых адвокатов, всегда остающихся в тени. Зачем, спрашивается, тратить на них деньги и время? Куда проще обратиться за поддержкой к сильным мира сего и платить за взаимовыгодное сотрудничество. Суть нашей цивилизации заключается в том, что таким людям, как мы, легче действовать при свете дня. Шуршание по темным углам неизбежно привлекает к нам нежелательное внимание. Печально сознавать, – казалось, Нери действительно огорчен этим выводом, – что люди вроде тебя этого не понимают. Возможно, устаревшие представления в тебе прочно укоренились. А возможно, на тебя влияет окружающая среда. Если справедливо последнее, то не обольщайся, Майкл: они кинут тебя. И раньше, чем ты думаешь.

– Что? – Денни понял, что пока проиграл. Однако восстановление собственного бизнеса, уплата хотя бы части дол-

гов и другие мероприятия наверняка восстановят его репутацию.

– Что касается меня, – вступил в разговор Атчисон, – я намерен забрать свои деньги. Причем не откладывая. Из расчета инвестиций, вложенных в первый проект.

– Ты получишь гроши, – прошипел Денни.

Атчисон злобно ткнул в него пальцем:

– Хоть что-то, но получу. Послушайте, Майкл. Только вчера у меня был телефонный разговор с одним человеком из министерства юстиции. Подвешенное состояние их больше не устраивает. В ближайшее время они собираются окончательно прикрыть банк "Ломбардия" и призвать к ответу виновников его краха. Первым в списке значится ваше имя. Уверяю вас, никому из причастных к этому делу не удастся спокойно отсидеться.

Денни в изумлении уставился на адвоката:

– Выходит, вы все это знали? И скрыли от меня?

Креспи уперся глазами в стол. Нери отвел скучающий взгляд.

Атчисон вздохнул:

– Последние полгода, Майкл, вы живете словно в зачарованной стране. Надеетесь откупиться и выйти сухим из воды. Даже если бы такое было возможно, Эмилио прав: ваше возвращение в игру означало бы, что мы снова открываем черную дыру, в которую провалились. Ваша карта бита. Примите это как должное. Спорить больше не о чем. Лично

я умываю руки.

Взглянув на Ханрахана, Нери символично задрал подбородок к потолку:

– Кстати, там тоже отказались от тебя. А ты и не знаешь?

Денни почувствовал себя раздавленным. Внимательно посмотрев в глаза Ханрахана, он понял: будущего действительно нет.

– Выходит, сделка не состоялась? – спросил Ханрахан. – После всех-то трудов?

Нери помотал головой:

– Ирландский дружище, прошу тебя, не изображай удивление. Мы что, так похожи на идиотов? – Он сделал паузу, чтобы насладиться произведенным эффектом. – Ладно. Позвони ему...

Недовольно скривившись, Ханрахан вытащил мобильный телефон. Из разговора Денни понял, что сейчас нагрянет бригада уборщиков.

– Увы, если сделка не состоялась, – словно извиняясь, обратился Ханрахан к присутствующим, – дело приобретает совсем иной оборот.

– Что ты себе позволяешь? – набросился на него Денни. – Что, черт возьми, происходит?

Нери с довольной улыбкой обвел роскошные апартаменты кардинала оценивающим взглядом. Муранское стекло, старинные зеркала, живописные полотна...

– Прекрасное жилище, – произнес он. – Держу пари, за

него разгорится настоящая драка.

16

Тереза Лупо, более известная в полицейском департаменте Рима под прозвищем Бешеная Тереза, сидела перед набором самых разнообразных частей животных, куда входили телячье сердце, свиные шейные железки и клубок говяжьих кишок, в которых еще сохранился запах молока. Она была весьма довольна предложенными блюдами и благодарно поглядывала на веселого Росси, который сидел рядом с ней в сбившейся на затылок бейсбольной кепке и с нескрываемым удовольствием поглощал потроха. По всему было видно, что она разделяет его восторг относительно меню. В департаменте все давно знали, что он обожает всю эту требуху, называемую в простонародье «римской пищей», и не упускает случая, чтобы полакомиться ею. Это действительно была самая популярная еда рабочего класса Рима, она доставалась ему с барского стола высших иерархов Ватикана, после того как для них вырезали из туши самые лакомые куски мяса.

Ресторан был дешевой копией весьма дорогого и вполне приличного заведения "Чечино", который располагался за углом и представлял для жителей города самый настоящий "храм чревоугодников", специализирующийся на внутренностях домашних животных. Все шестнадцать столиков ресторана были, как всегда, заняты посетителями и уставлены всякой всячиной – чем именно, Ник Коста не мог опреде-

лить даже по внешнему виду. Что же касается Росси, то в сегодняшний вечер он проделал обычную шутку – только этот милый старик мог пригласить истинного вегетарианца в ресторан, где поглощение свиных и говяжьих потрохов считается чуть ли не религиозным действом. Впрочем, Лука Росси мог и не задуматься о таких мелочах.

Ник Коста пристально смотрел на старика и сосредоточенно поглощающую потроха Терезу Лупо и пытался определить, витает ли в воздухе хоть какой-то намек на то, что между этими людьми существует нечто большее, чем простые дружеские отношения.

Откровенно говоря, они представляли довольно странную пару. Лука Росси с его большим и грустным лицом и полнеющим телом производил впечатление человека, который всю жизнь прожил холостяком и, вероятно, давно забыл, когда в последний раз спал с женщиной. А Бешеная Тереза, напротив, имела романы практически со всеми сотрудниками полицейского департамента, правда, все краткосрочные и к тому же в высшей степени скандальные. Она была немного выше ростом, чем Коста, крепко сбитая, полная, довольно симпатичная и улыбчивая, причем улыбка не сходила с ее лица даже в том случае, когда видимых причин для этого не существовало. Она была прекрасным патологоанатомом и долгие годы работала практикующим хирургом. В морг полицейского департамента ее привели какие-то странные обстоятельства. Ходили слухи, будто она пришла сюда за ост-

рыми ощущениями, что как раз соответствовало ее бурному темпераменту.

Впрочем, Коста досужим сплетням предпочитал собственные наблюдения. Работа Бешеной Терезы отнюдь не казалась ему чрезвычайно интересной. Тем не менее она вкалывала сутки напролет, делая все возможное, чтобы добыть для полиции мельчайшие улики, помогающие в расследовании того или иного преступления. Поступающие к ней трупы она называла "клиентами", но Ник все равно не мог понять, как это вскрытие способно нравиться. Ведь "клиенты" оставались людьми, хотя и мертвыми. Ее отношение к работе, похоже, выходило за рамки судебно-медицинской экспертизы, в результате чего она частенько делала выводы, неожиданные даже для самых опытных полицейских следователей. Короче говоря, Тереза Лупо обладала внутренним чутьем, очень любила играть роль выдающегося сыщика и преуспевала в сем нелегком деле.

Лука Росси и Бешеная Тереза сидели напротив Ника, увлеченно ковырялись в своих тарелках, пили дешевое красное вино и жадно затягивались сигаретным дымом в ожидании очередного блюда из потрохов. Ник Коста специально опоздал, чтобы позволить им насладиться общением друг с другом, и теперь ждал, когда официантка обслужит его. Вскоре к ним подошла довольно смазливая девушка с серьгами в ушах и в носу. Ник заказал салат и стакан молодого сардинского белого вина с романтическим названием "Ка-

ла Виола", оно было единственным из известных ему среди многочисленных напитков, указанных в винной карте.

– Салат с цыпленком? – строго уточнила официантка.

– Нет, только салат.

– Мы не подаем "только салат", – недовольно проворчала она. – Цыпленка можете выбросить, если хотите.

Коста вздохнул и недовольно поерзал на стуле.

– А почему бы вам самой не убрать этого цыпленка?

Она хмыкнула:

– Еще чего! Я уберу, а вы станете стонать, когда получите счет. Вы что, за дуру меня принимаете?

Лука Росси наклонился вперед и окинул ее сердитым взглядом:

– Послушайте, если проблема только в этом, то я заберу цыпленка себе. Он вегетарианец. Договорились?

Кольцо в носу официантки дернулось, а ее губы растянулись в улыбке.

– Простите, я не знала, что он вегетарианец. Кстати сказать, я тоже вегетарианка. Господи, неужели мы все здесь не на своем месте?

Когда она вернулась с огромным подносом, на котором возвышались поджаренный цыпленок, украшенный гигантскими листьями салата, и запотевший стакан с вином, Тереза Лупо увлеченно рассказывала собеседникам о достоинствах находящихся перед ней свиных потрохов, слегка сдобренных чесноком и перцем.

– Мы можем хотя бы сегодня не говорить о еде? – взмолился Ник Коста.

– Ты что, настолько брезглив? – поинтересовалась Тереза. – И это после того, что случилось вчера? Трудно поверить!

Лука Росси решил поддержать друга:

– Возможно, именно поэтому сейчас не хочется говорить о еде. Мне тоже что-то не по себе, хотя я в восторге от этой снеди.

– Ну и ладно, – легко согласилась Тереза, – однако тебе, – она показала большим толстым пальцем на Ника, – следует быть поразборчивей в своей диете. Если хочешь знать, то с точки зрения современной медицинской науки вегетарианство – на редкость глупая вещь. И к тому же далеко не безопасная. Дело в том, что диета должна быть сбалансированной, а не односторонней.

Ник бросил брезгливый взгляд на потроха непонятного происхождения, на переполненную окурками пепельницу, на почти пустую бутылку дешевого вина и подумал, что не Бешеной Терезе читать ему лекцию о диетическом питании.

– Между прочим, – заметил Лука, – он бегает быстрее всех в нашем департаменте. Многие вообще утверждают, что его нужно отправить на спортивные соревнования.

– Да видела я, как он бегает, – снисходительно улыбнулась Тереза. – Вот и добегался. Конечно, он ловок и быстр, но скорее всего был бы еще ловчее и быстрее, если бы изредка

ел мясо. Посмотри на тех парней, что играют в регби.

В департаменте все знали, что Бешеная Тереза безумно любит этот вид спорта и не пропускает ни одной игры.

– Ты имеешь в виду Лампони? – спросил Росси с нескрываемой завистью.

– Да, хотя бы Лампони, – кивнула она. – Посмотри на его ноги, на его плечи, на то, как он двигается. – Она резко взмахнула рукой. – Вот что мясо делает с мужчиной! Оно дает ему мышцы, насыщает тело.

Лука Росси обменялся с напарником понимающим взглядом.

– Еще бы, ведь он голубой.

– Что?

– Он голубой, – повторил Лука. – Я имею в виду Лампони.

– Черт возьми! – огорчилась Тереза.

– Не исключено, – выдвинул предположение Коста, – что его ориентация каким-то образом связана с диетой. Во всех этих потрохах, которые он наверняка поглощает в невероятных количествах, по-моему, слишком много женских гормонов.

– Да-да, – поддержал его Лука Росси, покосившись на свою тарелку. – У Лампони мышцы даже там, где их у мужчин вроде не должно быть. А все другое, по-моему, усохло... – Он печально пожал плечами.

Тереза Лупо громко стукнула пустым графином по столу, подзывая официантку, зажгла сигарету и выпустила тон-

кую струйку дыма, после чего пристально посмотрела на собеседников.

– Все это чушь собачья, – безапелляционно заявила она. – Вы сами не понимаете, о чем толкуете.

Ник Коста посмотрел на часы. Пора домой.

– Тереза, о чем мы должны были поговорить сегодня? – спросил он с легкой иронией. – Мне казалось, что у тебя есть для меня что-то важное.

Она положила вилку на остатки потрохов и посмотрела на Ника. Он вдруг понял, что ему нравится эта женщина. Она умна, забавна, и вместе с тем в ней есть что-то серьезное, нечто такое, что определяло все ее поведение.

– Ты имеешь в виду этот трюк с кожей? – нарочито равнодушным током поинтересовалась она. – А вы сами довольны тем, как идут дела? Все настолько замечательно и очевидно, что никаких вопросов не возникает?

– Дело еще не закрыто, Тереза, – сказал Ник. – Во всяком случае, мы пока не готовы к этому. Что ты имеешь в виду? Я не увидел в твоем отчете ничего такого, что могло бы навести нас на новые размышления.

– Да ну его к черту, этот отчет! – вспылила Тереза. – Я просто хотела обратить твое внимание на одну деталь. Знаешь, бывают такие вещи, которые на первый взгляд не вызывают никакого интереса, а на второй оказываются разумными и полезными. Во всяком случае, мне кажется, вам стоит кое-что знать.

Лука Росси сложил на груди руки и пристально посмотрел на нее:

– Мы слушаем тебя.

– Этот профессор, – осторожно начала Тереза, – он имел какой-нибудь медицинский опыт или, может, когда работал на скотобойне?

Ник Коста пожал плечами:

– Нам ничего не известно об этом. Он академический ученый, вот и все. Я вообще не понимаю, зачем ему работать на скотобойне или иметь частную врачебную практику. При чем тут все это?

Тереза Лупо осталась недовольна ответом Ника.

– Не знаю, возможно, я чего-то не понимаю, но мне все это кажется немного странным. Содрать кожу подобным образом и к тому же сделать это очень хорошо, если не сказать профессионально... Думаю, это первое, что должно было прийти вам в голову.

Лицо Росси перекосилось от удивления.

– Ты думаешь, это так сложно? У меня в селе есть дядя, так он проделывает это регулярно со своими кроликами. Он берет тушку кролика, делает небольшой надрез на затылке, потом какое-то время трясет ее и наконец просто-напросто вытряхивает внутренности и снимает кожу. Вся процедура чем-то похожа на то, как снимают резиновую перчатку с руки, то есть не стягивают за пальцы, а выворачивают наизнанку.

Теперь Тереза посмотрела на него с изумлением:

– Ты сравниваешь человека с несчастным кроликом? Ты шутишь? Ты вообще представляешь себе строение той штуки, которую называешь "кожей"? На самом деле кожа человека состоит из трех самостоятельных слоев. Самый верхний слой называется эпидермисом, под ним находится еще один слой кожи, и только потом начинается подкожный слой жира. Ты не можешь сделать небольшой надрез где бы то ни было, а потом взять и вытряхнуть тело человека из кожной оболочки, это просто невозможно.

Она сделала паузу и бросила взгляд на соседний столик, где услужливая и украшенная пирсингом официантка поставила тарелку с большим куском свинины.

– Одну минутку, – сказала она, вставая из-за стола, – я сейчас.

С этими словами Тереза Лупо направилась в дальний конец ресторана и скрылась за дверью кухни.

Лука Росси устало посмотрел на друга и развел руками:

– Я заплачу за все, Ник.

– Не сомневаюсь в этом, дядя Лука.

– Она говорит, что это очень важно.

Ник молча кивнул. Он сам понимал, что Терезу гложут какие-то сомнения, но пока не мог понять, какие именно. Сейчас ему было более важно, что это начинал понимать напарник.

Тереза действительно не заставила себя долго ждать. Че-

рез минуту она вернулась и поставила на стол тарелку с огромным куском сырой свинины, рядом с которым положила небольшой кухонный нож. Посетители за соседними столиками удивленно вытаращили на нее глаза.

– Спокойно, ребята, – насмешливо отреагировала она, оглядываясь на соседей, – мы не собираемся есть сырое мясо.

Ник Коста улыбнулся:

– Лично я очень надеюсь на это.

– Послушайте, – продолжала как ни в чем не бывало Тереза, – как известно, свинья является существом, самым близким к человеку по строению внутренних органов, а ее кожа может служить образцом человеческой. Именно поэтому ее так часто используют для пересадки, для замены поврежденной кожи человека. Кроме того, не стоит забывать, что некоторые каннибальские племена до сих пор называют нас "длинными свиньями", в чем, безусловно, есть своя доля правды. В особенности по части психологии и вкуса. Итак, давайте проведем эксперимент. – Она протянула нож детективу. – Попытайся снять кожу с этого куска.

Лука самоуверенно взял нож и стал медленно отделять кожу от толстого слоя жира. Потерпев неудачу, он схватил пальцами за край кожи и попытался оторвать его от остальной части. Но и это оказалось невозможным даже для такого крепкого человека.

– Все дело в том, что здесь слишком много жира, – пожа-

ловался он, вытирая пальцы о салфетку. – У человека нет такой жировой прослойки.

Тереза критически окинула его взглядом:

– Не у всех. Думаю, ты сам немало удивился бы, узнав, сколько жира накопилось на твоем теле. Впрочем, ты прав, это не точная копия человеческого тела, но все же очень близкая к нему по структуре. Словом, я пытаюсь доказать вам, что здесь нет простого и ясного решения. Я просмотрела немало репродукций по Интернету, на которых изображен момент казни святого Варфоломея, и пришла к выводу, что этого парня долго готовили к убийству и долго выбирали метод убийства. Так что здесь еще немало загадок.

Ник Коста вспомнил картину на стене церкви. Именно этот эпизод и был изображен на ней. Освежевание человека требует не только огромных физических сил и решительности, но и чего-то большего. Убийца должен по меньшей мере знать строение человеческого организма, чтобы справиться с этой задачей.

– Ну и как же он это сделал? – задал Ник давно назревший вопрос.

Тереза, взяв нож у Росси, обошла его со спины и заставила высоко поднять обе руки.

– Полагаю, убийца подошел к своей жертве сзади и сделал длинный надрез вокруг шеи, стараясь не повредить позвонки и жизненно важные органы.

Лука Росси недовольно поморщился и опустил руки.

– Ты хочешь сказать, что он перерезал ему горло?

– Да, но так, чтобы не убить его в ту же секунду, – уточнила Тереза. – В этом нет ничего удивительного. У некоторых индейских племен Северной Америки были такие мастера, которые могли содрать кожу с живого человека, а потом еще и показать ему ее до того, как он умрет.

– А что произошло потом? – поинтересовался Коста.

– Это все лишь предположение, – предупредила его Тереза. – Просто я попыталась представить себе возможный ход событий, но это не так-то просто. Полагаю, убийца каким-то образом перевернул жертву на бок, сделал продольный разрез вдоль спины, постепенно содрал кожу до плеч, а потом и на груди.

Люди за соседним столиком недовольно загалдели, вскочили с мест и побежали расплачиваться за почти нетронутые блюда.

– И все это время он находился в сознании? – недоверчиво посмотрел на нее Росси.

Тереза пожала плечами, еще раз давая понять, что это всего лишь ее догадки.

– Если ему повезло, то он потерял сознание еще до того, как убийца стал резать по живому. Однако я не исключаю, что позже он снова пришел в себя и испытал все муки предсмертной агонии. А убийца тем временем снял кожу с его рук, потом с живота и так далее, до ног.

Лука Росси брезгливо поморщился и отодвинул от себя

тарелку.

– И сколько же времени длилась эта процедура? – спокойно спросил Ник.

– Около часа, – задумчиво ответила Тереза. – Может, чуть больше. Причем для этого требуются не только крепкие нервы, но и огромная физическая сила. А этот Ринальди не производит впечатления физически крепкого человека. Он слишком мало ел и слишком много пил. У него была такая печень, которую можно увидеть только у престарелого французского гуся. Не знаю... может быть, я ошибаюсь.

Ник Коста и Лука Росси терпеливо ждали продолжения. Бешеная Тереза должна была сказать им то главное, ради чего они собрались здесь.

Тереза наклонилась вперед и понизила голос, чтобы ее не услышали за соседними столиками:

– У меня ощущение, что университетский профессор не мог такое совершить. У него не было для этого ни физических сил, ни моральных. Это сделал человек, который много лет проработал на скотобойне или по крайней мере долго наблюдал за подобной процедурой. Разумеется, для официального отчета у меня нет убедительных доказательств своей правоты, но чутье никогда меня не подводит. Извините, если я разрушила ваши планы. Я знаю, что вы считали это дело почти раскрытым.

Мужчины удивленно переглянулись.

– А с другой стороны, – добавила она, – перед вами всего

лишь Бешеная Тереза, поэтому вы с легким сердцем можете проигнорировать мое предположение.

Встревоженный Росси взял ее за руку.

– Бешеная Тереза? – удивленно переспросил он. – Что ты хочешь этим сказать?

Она наполнила себе стакан.

– Я давно знаю, что именно так меня называют некоторые сотрудники департамента.

– Кто? – решительно потребовал Лука Росси. – Скажи мне, кто эти негодяи? Назови мне их имена!

Ник Коста сидел молча, с опаской поглядывая на друга. Не хотелось бы ему оказаться на месте тех, кто решился на подобную вольность. Чтобы хоть как-то разрядить обстановку, он заказал себе еще немного вина.

– Это государственное учреждение, – не унимался Росси, – мы не должны терпеть хулиганские выходки.

Ник Коста поднял стакан и слабо улыбнулся.

– Ты добрый человек, Лука, – нежно сказала Тереза, похлопывая его по плечу. – А сейчас извините, мне нужно на минутку отлучиться.

Они молча наблюдали, как большая, но на удивление ловкая и проворная Тереза, лавируя между столиками, достигла двери туалета, расположенного в дальнем конце коридора, и скрылась за ней.

– Думаю, ты нашел себе превосходную пару, дядя Лука, – заметил Ник. – Только она может есть, пить и курить одно-

временно.

Росси обиженно насупился:

– Она чудесная женщина, Ник, и не вздумай доказывать мне обратное. К тому же она не сумасшедшая и уж тем более не бешеная.

Ник взял со стола нож и вонзил в большой кусок свинины. Мясо было довольно жестким. Да, Тереза права, справиться с таким делом мог только физически крепкий человек. В этот момент около их столика возникла официантка.

– Ну что, надеюсь, вы покончили с ним? – спросила она Росси, кивнув на свинину. – Может быть, вам принести какой-нибудь пакет? Я хочу сказать, что стоимость этого куска все равно вошла в ваш счет.

Росси тяжело вздохнул; официантка принялась убирать со стола. Лука молча наблюдал за ней, пока она не уладилась.

– Итак, что ты думаешь по этому поводу? – обратился он к Нику.

Ник нахмурился:

– Надеюсь, что Тереза ошибается.

– Да, – кивнул Росси. – Все дело в этом наглом Фальконе.

– Я не это имел в виду, – поправил его Ник.

– А что?

Ник снова почувствовал, что в их с напарником взаимоотношениях произошли перемены. Старший почему-то стал искать у него помощи и поддержки, а ведь Коста считал его более опытным в делах и более умудренным жизнью.

– Понимаешь, дядя Лука, – сказал Ник, – если все сделал кто-то другой, то, значит, мы оказались у разбитого корыта. У нас нет ни единой зацепки, которая помогла бы выйти на новый след.

Ник задумался перед тем, как продолжить разговор. Удрученный Росси тупо уставился на пустую тарелку.

– Все, что у нас есть сейчас, – осторожно промолвил Ник, – это номер телефона какого-то человека из Ватикана.

К столику подошла заметно повеселевшая Тереза и немедленно заказала бутылку граппы. Росси прав: эта женщина действительно отличается острым умом и совершенно не походит на бешеную. К тому же она редко ошибалась в своих предположениях, и Ник это знал. Он инстинктивно чувствовал, что Тереза Лупо права.

17

Когда Джей Галло пришел в себя, была уже ночь. Он лежал навзничь на твердом песке и видел слабо мерцающие огоньки самолетов, идущих на посадку в аэропорт Фьюмичино. Он отчетливо слышал натужный рев турбин, и это был единственный звук в тихой ночи. Он хорошо знал, где находится: на берегу вонючей речушки. Он помнил, что до оживленной трассы нужно отмахать немало миль, а потом несколько часов ждать, когда кто-нибудь подберет его посреди ночи. Во рту Галло ощущал вкус крови, голова раскалывалась от боли, изуродованный нос ныл, а лицо горело от ссадин. Однако самое главное – он был жив Джей пошарил руками по телу в попытке убедиться, что все кости целы. После этого он приподнялся на одной руке и окинул окрестности единственным зрячим глазом. В нос ударил тлетворный запах мертвой речки, которая давно превратилась в отстойник для всяческих промышленных отходов.

– Подонок, – с трудом выговорил Джей Галло, сплюнул сгусток крови и задумался над тем, кто из многочисленных недругов мог преподнести ему такой урок. Без этого происшествие казалось совершенно бессмысленным.

Постепенно он начал приходить в себя: зрение улучшилось, а в голове стало понемногу проясняться. На горизонте он увидел огоньки городка Остия.

Вдалеке раздались резкие крики морских чаек, которые бурно реагировали на глухой звук моторной лодки или небольшого катера.

А потом он услышал позади себя тяжелое дыхание.

– Господи Иисусе, – в ужасе прошептал Галло и медленно повернулся на звук.

На берегу сидел человек и спокойно смотрел на речку, словно в течение долгих часов терпеливо ожидал, когда Джей придет в сознание. Сейчас этот человек был без черных очков и без пиджака. Галло сразу догадался, почему он остался в простой белой рубашке: несмотря на приближающуюся ночь, воздух был раскален до такой степени, что было трудно дышать. Потом Галло сообразил, что дело вовсе не в жаре, что этот человек разделся потому, что пиджак был частью его маскировки на людях. На пустынном берегу необходимость в камуфляже отпала, и он освободился от ненужной одежды.

Джей Галло пристально смотрел на сидевшую перед ним фигуру. Человек оказался намного моложе, чем Галло подумал при встрече с ним, вполне возможно, что они ровесники. Кроме того, незнакомец обладал крепкими мышцами, что наводило на мысль о тяжелой физической работе или регулярных занятиях в гимнастическом зале. Как ни странно, на лице запечатлелось нечто вроде сострадания и даже сожаления о происходящем. А еще более удивительным было то, что Галло вдруг почудилось, будто он где-то видел этого

человека.

– Кто вы такой, черт возьми? – прохрипел он.

Человек внимательно посмотрел на него с прежним чувством сострадания и жалости.

– Спица в колесе, – ответил он, – просто часть мощного механизма.

– Мы встречались с вами раньше, – прошептал Галло срывающимся голосом, чувствуя, что ужасная головная боль не позволяет сосредоточиться на предмете разговора. Он смутно припомнил, что имел с этим человеком какие-то дела: то ли пакет у него взял для передачи кому-то, то ли, напротив, доставил ему какой-то пакет.

– Если я обидел вас каким-то образом... – продолжил он через секунду, отчаянно пытаясь вымолить прощение и одновременно понимая, что все это бесполезно. Внезапно его поразила мысль: если этот человек притащил его на пустынный берег мертвой реки, чтобы убить, то почему не сделал этого раньше, почему ждал столько времени? Значит, не все еще потеряно. Может быть, он чего-то выжидает? Чего-то хочет от него? Наверное, Галло может чем-то помочь ему и он хочет поторговаться?

– Хотите поторговаться со мной? – с надеждой в голосе спросил Джей.

На скуластое лицо человека упал лунный свет. Выражение вдруг резко изменилось. Сострадание уступило место жестокости. Черные сузившиеся от настороженности глаза злобно

блеснули, а полные губы кровожадно заалели. Галло подумал, что лицо этого человека стало чем-то напоминать лицо мученика на картине Караваджо.

– О чем мы можем с тобой торговаться?

– Вы сами должны знать это.

– Об этом не может быть и речи.

Джей Галло с ужасом наблюдал, как человек встает с земли. Он тоже попытался встать, но головокружение было настолько сильным, что он снова опустился на землю.

– Эй, послушайте, – из последних сил молвил он, пытаясь хоть как-то предотвратить близкий конец, – почему вы ждали, пока я приду в себя? Зачем?

Незнакомец слабо улыбнулся, и в свете луны его улыбка была больше похожа на злобный оскал. Казалось, что его оскорбил этот вопрос.

– Ты что, считаешь, я могу убить человека находящегося в бессознательном состоянии?

Джей Галло выставил вперед руки, пытаясь защитить себя от надвигающейся зловещей тени над головой.

– Ты считаешь, – повторил незнакомец голосом, который постепенно превращался в звериное рычание, – я могу послать тебя к Всевышнему без твоего ведома?

– Не надо! – взмолился Джей Галло слабеющим от ужаса голосом. – Я сделаю все, что вы захотите.

Темная фигура согласно кивнула.

– Я знаю, – сказал незнакомец спокойным тоном.

Бледный диск луны почти полностью скрылся за тучами. И в тот же момент из страшной темноты к Галло протянулись крепкие, как камень, руки незнакомца. Они схватили его за горло и сдавили так сильно, что у него свет в глазах померк. Джей пытался сопротивляться, но все было бесполезно. Через секунду он ощутил на лице прохладную влагу и почувствовал некоторое облегчение. И только самым отдаленным уголком сознания он с ужасом понял, что незнакомец окунул его в грязную зловонную жижу речки. На смену временному облегчению пришло ощущение предсмертного ужаса. Вонючая жижа стала постепенно проникать в легкие, отравляя каждую клеточку организма. Джей Галло сделал несколько безуспешных попыток вырваться из крепких объятий незнакомца, а потом затих, погрузившись в темную дурно пахнущую воду. Несколько судорожных вдохов – и он нырнул в зловещую тишину. Все тело налилось мерзкой прохладой, грудь сдавило от нехватки воздуха, а потом им полностью завладело небытие.

18

Минут через пять после того, как Тереза Лупо вернулась к столу, Ник Коста раскланялся и под благовидным предлогом покинул своих друзей. Росси был прав – эта встреча оказалась весьма полезной для всех троих. У них действительно была серьезная причина для встречи в неформальной обстановке. Однако вместе с тем его не покидало чувство, что одна из проблем так и осталась неразрешенной, и ему очень не хотелось быть невольным свидетелем этой развязки. Отношения между Росси и Терезой стали настолько близкими, что было просто неловко присутствовать при дальнейшем развитии событий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.